

МАРИЯ НОРД

В поисках Авалона

Мария Норд

В поисках Авалона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39438721

ISBN 9785449384881

Аннотация

Глухой стук заставил нас замолчать и перегнуться за фальшборт. Немногим выше второго орудейного порта алело кровавое пятно, а в воде, уже почти скрываясь под волнами, тонуло тело мёртвой чайки. Меня сложно было назвать суеверным. Но в этот миг внутри меня словно что-то оборвалось. Не знаю, откуда явилась эта мысль, но я вдруг чётко осознал, что все мои мечты, цели, желания – всё это останется лишь эфемерным сном, а в сознании, сквозь грохот рушащихся иллюзий, набатом звучало одно: «Не суждено».

Содержание

Глава первая. На берегу Ирландии	5
Глава вторая. Как правильно завести знакомство	18
Глава третья. Случай в пивной	35
Глава четвёртая. Сборы	49
Глава пятая. Начало пути	63
Глава шестая. Голос моря	80
Глава седьмая. Нежеланная и желанная встречи	94
Конец ознакомительного фрагмента.	115

В поисках Авалона

Мария Норд

© Мария Норд, 2018

ISBN 978-5-4493-8488-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Над лазурью волны снова ветер вещает о битве,
Опускается небо, собою закрыв горизонт.
«Сохрани, Небеса!» – только слышится в тихой молитве
И в зловещем затишьи разносится чаячий стон.
Но и там, где надежда на жизнь навсегда позабыта,
Где завеса дождя обрывается в бездну морей,
Где не видно пути, и где вера о камни разбита,
Я увижу рассвет в тихой пристани вечности дней.
Я не стану жалеть, зная то, что мне Небом открыто.
И пускай суждено нам навеки оставить покой,
Точно знаю одно – что мы Богом не будем забыты,
Верю, Он вознесёт над кипящею новой волной.*

Глава первая. На берегу Ирландии

Мы далеко не всегда задумываемся о неожиданных поворотах своей судьбы, и часто замечаем их именно тогда, когда судьба сама, порою, против нашей воли, резко меняет курс, совершенно не желая обращать внимания на разложенные нами перед ней путеводные карты. Я не был для неё исключением.

Первое, что донеслось до моего слуха, когда я очнулся – был отдалённый плеск волн и лёгкий стук раскачивающейся на петлях деревянной двери. Я повернулся и открыл глаза, всё ещё чувствуя скованность и тупую боль в правом плече. Осмотревшись, насколько это было возможно, я увидел, что нахожусь под соломенной крышей какого-то дощатого сооружения, сквозь множество щелей которого проникал солёный морской воздух. Судя по земляному полу и охапке соломы, на которой я лежал, а также развешанным на стенах рыболовным снастям, верёвкам, и прочей хозяйственно-рыболовной утвари, я с уверенностью мог сказать, что нахожусь в сарае, хозяин которого занимается рыболовным промыслом. И, скорее всего, кроме меня, здесь никакой живности не содержалось.

Приподнявшись, чтобы более внимательно изучить своё пристанище, я вдруг заметил небольшой свёрток, находившийся рядом с моим изголовьем. Немало обрадовавшись,

ибо это были мои вещи, я оделся, после чего, не обращая внимания на недавно затянувшуюся в плече рану, выполз наружу.

Позволив себе мгновение наслаждаться ударившим в лицо морским воздухом, словно прояснившим моё сознание, я оглянулся по сторонам. Чуть поодаль стоял небольшой дом, из камня и глины, покрытый толстым слоем соломы. Рядом с домом была овчарня. Вся земля, принадлежавшая этому дому, была обнесена невысокой каменной оградой, обвитой плющом и понизу заросшей мхом. Изумрудная зелень холмов, расположившихся чуть поодаль, напоминала собой морские волны, пронизываемые лучами полуденного солнца. Ирландия была прекрасна.

Я решил, было, направиться к дому, как вдруг дверь его открылась, и по узкой каменистой дорожке, в мою сторону направился какой-то человек.

– Эй, ты чего, ты чего?! – закричал он, находясь ещё на полпути ко мне. – Ну-ка, обратно, обратно иди!

Я не двинулся. Он как-то забавно смотрелся, махая руками и что-то приговаривая, словно отчитывая меня, как если бы я был его младшим сыном или внуком. Наконец, он подошёл, всё ещё что-то говоря и пытаясь отправить меня обратно в сарай. Это был невысокий, чуть полноватый человек, лет сорока – сорока пяти, с рыже-седыми перехваченными просаленной лентой волосами и жидкой бородкой.

– Чего стоишь-то тут? – напустился он, как-то по-отече-

ски мягко, пытаюсь затолкнуть меня обратно. – Раненый же! Тебе лежать надо! Обратно иди! Давай, давай.

Я, наконец, сдался, повинуюсь его приказам.

– Как чувствуешь-то себя? – спросил он. – Ты б полежал ещё. Чего встаёшь-то? Тебе ещё выздоравливать надо. Ну, чего молчишь-то? Как чувствуешь себя, спрашиваю.

– Хорошо, – с трудом успел вставить я, сумев таки, прервать его бесконечный речевой поток.

– Ну, хорошо, что хорошо, – он похлопал меня по плечу. – Это хорошо, сынок, – он по-отечески улыбнулся. – Ну, что, как звать-то тебя? – спросил он.

– Алан, – ответил я. – Алан Джозеф Шайн.

– Алил, говоришь? – усмехнулся он. – Младшенький, по-ди?

– Так точно, – кивнул я, слегка смутившись.

– Ну, а семья где твоя? – спросил он.

– Семьи не имею, – ответил я.

Ирландец помотал головой, похлопав меня по плечу.

– Ну, прости, прости сынок, – тепло произнёс он. – Мы ж тебя там, вон, за камнями нашли, на берегу. Больше никого не было. Ты, поди, кораблекрушение пережил?

– Почти, – ответил я, решив не вдаваться в подробности о политике и недавнем происшествии, ставшем причиной моего нахождения здесь. Однако ирландец, по всей видимости, не намеревался оставлять меня в покое, не выяснив всех событий моей жизни.

– Али в бою успел побывать? – он изучающе посмотрел на меня.

– Тоже было, – кивнул я.

– А родные есть? – спросил он.

– Средний брат давно погиб, старший – надеюсь, жив.

Сэр, разрешите спуститься на берег? – спросил я, пытаюсь избежать дальнейших вопросов.

– Ой, да какой я сэр, – он замахал руками. – Конечно, конечно, спустимся. Но не сейчас. Если ты, правда, хорошо чувствуешь себя, пошли в дом, там как-раз ужин подходит. Или тебе сюда принести?

– Никак нет, я сам дойду, спасибо, – ответил я, снова чувствуя смущение. – А, Вас как зовут?

– Ох, запомятовал представиться, – он рассмеялся. – Да-хи Нэсан. А жену мою Блейтин зовут. Ну, пошли, пошли, тогда, – он снова положил мне руку на плечо, и мы направились к дому.

За время нашего достаточно краткого пути я успел узнать, что у него семь дочерей, правда, так и не запомнил их имён, что его жена лучше всего готовит тушёное мясо с зеленью, что на столь небольшое поселение у них целых три кабака, но самый лучший эль наливают именно в том, что расположен на берегу, и что он сам часто там бывает вместе со своим другом, Энтусом Карбри, с которым они вместе занимаются рыболовным промыслом...

Я был счастлив, когда мы, наконец, вошли в дом. Однако

это чувство длилось очень недолго. Едва я появился на пороге, на меня тотчас устремилась пара излучающих немалую враждебность женских глаз.

– Что, очнулся? – недовольно бросило растрёпанное рыжее существо в простом мешковатом сером платье, доставая из печи огромный горшок, источающий приятный аромат готовой пищи. За столом уже сидели семеро подобных рыжеватых существ, отличавшихся друг от друга, наверное, только по росту, но не по чертам лица, и теперь с любопытством и, одновременно, неприязнью глядевших на меня.

– Да, очнулся, – радостно ответил Дахи.

Похоже, его супруга этой радости не разделяла.

– А, что он делать будет? – спросила она.

– Ну, он..., – Дахи замялся. – Блейтин, он же только сегодня выздоровел.

Блейтин пожала плечами.

– Ну, усаживай его, – наконец, произнесла она ледяным тоном, устремив на меня такой взгляд, что мне захотелось провалиться сквозь землю. Этот взгляд она не сводила с меня в течение всего вечера.

Уже вечером, после вкусного, хотя и малоприятного ужина, мы вместе с Дахи отправились на берег.

– Ну, вот, дошли, смотри теперь, – произнёс он, позволив мне пройти вперёд.

Мы вышли на каменистый берег, усыпанный крупной галькой.

– Вот, здесь тебя и нашли, – Дахи указал на огромные валуны, вдававшиеся в волны. – Прямо под ними лежал. Думали, мёртвый, подошли, смотрим, живой. Вот и вытащили тебя.

Я спустился на берег, прекрасно понимая, что не увижу здесь никого из расстрелянных вместе со мною. Я смотрел на волны, испытывая смешанные чувства. Я всё ещё с трудом готов был смириться с мыслью, что Ричард был на стороне бунтовщиков. Он пытался меня переубедить, пытался спасти. Небо! Я не мог желать добра предателям, но не мог и отвернуться от брата. Удалось ли им пройти по северу и дойти до Канады? Почему-то, я, всё же, надеялся на это.

Когда отец погиб, а о смерти среднего брата, Уильяма, пришло известие, что он пал в сражении, Ричард, являясь, к тому же, намного старше меня, забрал меня на корабль, где он уже давно нёс службу в Королевском флоте и носил звание старшего лейтенанта.

Девять лет, ибо в ряды вооружённых сил я, по документам, был зачислен в шестнадцать, потребовалось мне для того, чтобы дорасти от помощника юнги до капитан-лейтенанта¹ в чине обер-констапеля² – звания, соответствовавшего, возможно, моим умениям, но не образованию. Ибо грамоте, математике и основам латыни я обучался уже на корабле,

---

¹ Высшее из младших офицерских званий. Соответствует сухопутному званию «капитан».

² Начальник артиллерии на 50- и 60-ти пушечных кораблях.

в свободное от службы время. Впрочем, это не мешало мне с гордостью носить своё звание и возлагать большие надежды, подогреваемые старшим братом, на блестящую военную карьеру.

Однако моей судьбе было всё равно до моих умений или достижений, и, представ предо мной в лице взбунтовавшегося матроса Джона Дэвиса, она сама определила моё будущее.

Шёл 1781 год – разгар войны с восставшей колонией за Атлантическим океаном и уже четвёртое за всю историю противостояние с Голландией.

В этот раз наш верный противник, решив, что ему будет выгодно сложившаяся ситуация, поддержал бунтующую американскую колонию. В то время я служил на «Фортитуде» – флагмане адмирала Паркера.

5 августа 1781 года мы шли конвоем по Северному морю, когда нам наперерез вышел Голландский конвой. Я не стану распространяться о подробностях этого кровопролитного сражения, ибо до сих пор, вспоминая о нём, мне сложно говорить о доблести и воинской славе, не задумываясь о потерях. Скажу лишь, что после того, как наша обескровленная, хоть и победившая эскадра вернулась в свой порт, адмирал тотчас подал в отставку. Все мы оставшиеся ещё почти полтора года ожидали свершения своих судеб.

Наконец, меня, как и несколько десятков участников того боя, перевели на западный фронт. Итак, мы были откомандированы на Карибские острова, однако пересечь Атлантику

в тот раз мне так и не было суждено.

Едва мы вышли из порта, выяснилось, что на борту «Амелии» среди нашего экипажа большинство тех, которым по множеству различных причин было не на руку подавлять восстания в дальних колониях.

7 ноября 1782 года Джон Дэвис, возглавивший бунт, приказал увести корабль к западному берегу Ирландии, чтобы после пройти на север. Организаторами этого бунта явились также мой старший брат Ричард и недавно вернувшийся во флот и ранее разжалованный лейтенант Нолан Гилл, Я оказался среди верного Британской короне меньшинства. Дэвис лично принимал участие в расстреле несогласных. Ричард ещё пытался переубедить меня принять его сторону, даже когда до казни оставались считанные минуты. Я отказался.

И, всё же, я никогда не пойму причины, толкающей людей, переживших жестокость по отношению к ним на ещё большую жестокость по отношению к другим. Зато я навсегда запомнил, что чем больше человек готов кричать о смене неуютного режима, об упразднении жестоких мер наказания, об улучшении условий жизни для тех, кто согласится добровольно за ним последовать, тем меньше он способен свои слова осуществить. То же было и в случае с Дэвисом.

Я не запомнил его лицо, но я хорошо помню его ухмылку и нагло-издевательский тон голоса, когда я стоял у штирборта, в своём офицерском мундире со связанными за спиной

руками. У меня даже не отобрали оружия.

– Надеюсь, Вы хорошо плаваете, мистер Шайн, – произнёс он, разряжая в меня мушкет. Была это воля судьбы или Дэвис просто промазал, но пуля только прострелила мне правое плечо. Помню, как рухнул за борт, как каким-то образом сумел скинуть под водой верёвки, но как добрался до берега – уже не помню. Затем были лишь холод и тишина.

Мы с Дахи ещё некоторое время бродили вдоль берега, ведя какое-то одностороннее общение, после чего он, наконец, позволил мне уйти обратно в сарай, ибо я был более чем уверен, что Блейтин не хотела лишний раз видеть меня под крышей своего дома.

– Ты уж, это, извини её, – он слегка похлопал меня по плечу, когда мы вернулись. – Не со зла она.

– Всё нормально, – я усмехнулся, не желая обижать своего спасителя. – Я понимаю. Но, мистер Нэсан...

– Да-хи, – перебил он меня. – Дахи, сынок, никакой я не мистер.

– Дахи, – повторил я. – Она, всё равно, права. Я обязан Вам жизнью. Есть возможность хоть как-то отплатить Вам? Или, – быстро добавил я, видя, что он собирается возражать. – Просто не быть Вам в тягость. Я мог бы какой-то работой заниматься.

– Да, какой с тебя работник, сынок, – возразил он. – Ты ведь только на ноги, вот, встал.

– И, всё же? – не отставал я. – На будущее. Притом, ближайшее.

Дахи усмехнулся.

– Ну, хорошо, сынок, обдумаем, ладно? Ты только не торопись, не торопись. Я придумаю, куда тебя пристроить. Вижу, ты парень хороший, – он ещё долго говорил о моих положительных качествах, о которых я даже сам не подозревал, о том, как он умеет разбираться в людях, и о том, что он, обязательно, придумает, как такому достойному, как я, придумать такое же достойное занятие. Я с трудом сменил тему разговора, наконец, успев задать вопрос о том, как часто здесь бывают корабли из других городов, и есть ли возможность уехать.

– О, – протянул он. – Это вряд ли, сынок, уж, прости, должен огорчить тебя. Заходят сюда раз в два месяца торговые корабли, рыбу там забрать, мы ж промыслом-то рыбным, в основном, занимаемся, да парусину когда-когда, да пеньку, но это реже, здесь, знаешь, все поля для хлебов, лён нынче мало выращиваем. Вот и парусину меньше делать стали. А так, хоть, больше делали. Но купцы эти – наглый народ. Парусину-то требуют, а хлеба мало привозят, мол, дорогая пшеница-то. А пшеница дрянная была, скажу тебе честно. Вот и выращивать сами стали, потому под лён места меньше стало, вот и корабли реже заходить стали. А на борт к себе не берут никогда. А, ежели, и берут, так такую цену заломят, что в жизни не выкупишься. Не выгодно им народ возить,

понимаешь. Да и об острове нашем мало кто знает.

– А что это за остров? – спросил я.

– Фенит Айленд, так его кличут.

– Ясно, – ответил я, понимая, что мне теперь придётся привыкать к многословности моего нового друга. – А, сухопутным транспортом?

– О, да, там лесами, да холмами, – махнул рукой Дахи. – Так уж получилось, отрезаны мы от мира всего, сынок. Но, не переживай, выживаем же как-то, – он мягко улыбнулся.

Я постарался улыбнуться в ответ, чувствуя, что начинаю терять последнюю надежду в поиске обратного пути. Если бы я мог добраться отсюда до Плимута, я бы без труда смог вернуться во флот. Может, даже был бы приставлен к награде за верность Британской короне. Если бы, как валлиец, смог эту верность доказать.

– Дахи, – спросил я. – Так, если мне придётся остаться, чем я смогу здесь заняться?

Дахи почесал затылок.

– Эх, сынок, торопишься с моей шеи слезть? – усмехнулся он. – Ну, не знаю, не знаю, право. А, сколько ты в море-то уже?

– Пятнадцать лет, – ответил я.

– А взяли когда?

– Мне десять было, – ответил я.

– Ну, да, да, – пробормотал он. – Всю жизнь на корабле.

– Я умею рыбачить, – ответил я. – Мой отец был рыбаком.

И меня с детства приобщал к промыслу, пока не погиб. Могу плотником быть, – я вспомнил, как на протяжении лет пяти помогал нашему корабельному плотнику. Был ли от этого большой толк, сложно было сказать, но оказывать первую помощь кораблю я умел.

– Плотник? – переспросил Дахи. – Это хорошо, можно в порту тебя пристроить, там часто лодки чинить надо. Или на рыбалку тебя приобщим. Я тебя завтра с Энтусом, познакомлю, вот и решим. Может, ты на промысел с нами ходить будешь, коли говоришь, что рыбачить умеешь.

– С радостью, – ответил я.

– Ну, вот и хорошо, – он снова похлопал меня по плечу.

Наутро Дахи разбудил меня ещё до рассвета, и, спросив о том, нормально ли я себя чувствую, потащил на кухню. Завтрак в виде вчерашнего хлеба и холодной воды прошёл молча и очень быстро.

– Пока моя не встала, – быстро пояснил он, выпивая залпом остатки воды. – Ты уж прости, сынок. Я против тебя ничего не имею. Я всегда сына хотел. А тут, семь девчонок. И все в мать.

– Всё нормально, – ответил я, едва сдерживаясь, чтобы не засмеяться. – Вы и без того мне много добра сделали.

– Да, какое там, – махнул он рукой. – Ну, поел?

Я кивнул.

– Тогда пошли, к Энтусу. Познакомлю тебя с ним, – он положил мне руку на плечо. – А, может, он и получше на-

кормит, – хмыкнул он.

Глава вторая. Как правильно завести знакомство

Энтус Карбри оказался полной противоположностью своему другу во всём, кроме своей добродушной сути.

– Что, жив наш утопленник? – грубовато усмехнулся он, опустив свою огромную руку мне на плечо. – Ну, откуда ты такой?

– Да, ты не видишь, разве? – не дал мне ответить Дахи. – Из Уэльса он родом, сразу ж понятно.

– Значит, наш, – добродушно протянул Энтус.

– Да, – кивнул Дахи. – Слушай, вот, тут такое дело-то. Моя его принимать не хочет. А парень хороший. Военный. Ты б его к себе взял. Всё равно ж один живёшь.

– Какие разговоры, – хмыкнул Энтус. – Пусть живёт. Весь дом свободный.

Может, это и было не совсем верно, но я, почему-то, почувствовал себя бездомным котёнком, которого два мальчишки нашли на улице и теперь пытаются найти ему пристанище. Нет, это не было обидно. Скорее, забавно.

Мне ещё некоторое время пришлось выслушивать их разговор прежде, чем, наконец, окончательно определив мою судьбу, Энтус не пригласил нас к столу. После очередного завтрака, состоявшего из отварной холодной рыбы, хлеба,

лука и чая, мы уже втроём направились к морю.

Энтус Карбри был владельцем вполне достойной для такого заброшенного селения ветробойной³ парусной лодки, к тому же, достаточно просторной для того, чтобы в ней могло поместиться трое рыбаков с хорошим уловом. А погода хорошему улову немало способствовала. Из-за прижимного ветра, хоть и слабого, парус мы поднимать не стали, вложив свою силу в работу вёслами. Дахи поначалу попытался опротестовать моё участие в этой работе, заявив, что я ещё окончательно не выздоровел. Постаравшись отмахнуться как можно мягче от его слов, я вцепился в весло.

Пол дня на рыбалке пролетели незаметно. Мы вернулись немногим после полудня со вполне приличным уловом, который уже на берегу разделили на две равные части.

– Может, надо было Дахи больше отдать? – спросил я, когда мы с Энтусом остались шкерить⁴ рыбу.

– Зачем? – непонимающе произнёс он.

– У него семья, – ответил я.

– А, ты это? – Энтус стряхнул налипшую на нож чешую. – Ты не думай. У нас всё по-честному. Эту рыбу ж ещё высушить, засолить надо. Вот, когда приедут закупщики, тогда мы снова всё в одну кучу свалим, а там будем разбираться.

– Ясно, – отозвался я. – Мистер Карбри...

– Меня все обычно тут дядюшкой Энтусом зовут, – пере-

---

³ Лодка с высокими бортами, предназначенная для выхода в море.

⁴ Обрабатывать улов, резать рыбу.

бил он. – Так привычной, парень.

– Так точно, – ответил я. – Дядюшка Энтус, расскажите, пожалуйста, чем здесь народ, вообще, занимается. Мне бы занятие какое-то найти.

– А это тебе чем не занятие? – отозвался он. – Приобщишься к промыслу, вот и всё занятие.

Я только молча кивнул, от всего сердца надеясь, что не задержусь здесь надолго.

Поселение, в котором я оказался, вряд ли значилось хоть на какой-то знакомой мне карте. Как Дахи успел мне частично рассказать, местное население здесь занималось, в основном, рыболовным промыслом. Ещё кто-то занимался плотницким делом, и, двое – кузнечным. На подобное население этого хватало. Женщины ткали полотна или делали украшения из шнурков, бус и глины, и каждой осенью, всё это вместе с рыбой различного приготовления, пенькой и ещё какими-то мелочами выставлялось в порту, где перекупщики (сложно назвать их купцами) сгребали всё это за мелкую цену, и поселение снова продолжало заниматься своим промыслом или ремеслом. И так из года в год. По воскресеньям все, как один, шли в местную церковь, как я успел заблаговременно узнать, католическую. Впрочем, дядюшка Энтус в один миг понял мою протестантскую принадлежность, однако лишь посоветовал об этом молчать, и исполнять местные законы. Я не противился.

Во всём остальном разногласий с местным населением

у меня не возникало, по крайней мере, так мне казалось.

В тот вечер мы, как и обычно, втроём с дядюшкой Энтусом и Дахи, решив вознаградить себя за проделанный труд, зашли в портовую пивную, чтобы пропустить по кружке свежего эля. Я не особо был пристрастен к этому напитку, и не разбирался во всех тонкостях его приготовления, а дядюшка Энтус и Дахи вряд ли за свою жизнь посетили хоть одно другое селение, кроме того, в котором они жили. Однако они с полной серьёзностью и уверенностью заявляли, что здесь подают самый лучший на всех британских островах эль. Я делал вид, что искренно этому верю.

Портовая пивная больше представляла собой крытую площадь, на которой расположились двенадцать массивных столов со скамейками в два ряда и ещё несколько столиков впереди, у очага. Справа, в стороне, стояли шесть каменных скамей, образовавших большой шестиугольник, на которых местное население собиралось, чтобы просто посидеть и погорланить песни. Тут же уютилась пара лавочек с какими-то безделушками, но где можно было купить пеньку любого вида и в любое время. Ещё оставалось свободное место справа от двери, где довольно часто играла местная детвора, пока их отцы сидели и выпивали. Либо же на это место стаскивали столы из ближайших хижин, если здесь проходило какое-то всеобщее торжество.

Едва мы устроились за своим столом, как дверь пивной

распахнулась, и в помещение вошли трое, уже несколько подвыпивших парней. Одним из них был Ултан, сколько-то —там-юродный племянник дядюшки Энтуса, и с которым мы были отчасти знакомы. Вторым был Патрик, троюродный брат Ултана. Третьего я не знал. Они устроились за соседним столиком, что-то весело и громко обсуждая, как вдруг взгляд незнакомца задержался на мне.

– Ты про этого говорил? – услышал я его вопрос.

– Да, – отозвался Ултан.

– Валлиец, – протянул первый с какой-то пренебрежительной ухмылкой.

Я прислушивался к дальнейшему разговору, чувствуя всё возрастающее напряжение.

– Ты только не вздумай, – бросил Ултан.

Шотландец, а тот, кто начал этот разговор был, именно, шотландцем, только что-то пренебрежительно хмыкнул в ответ, после чего поднялся.

– Эй, – он, пошатываясь, подошёл к нашему столу. – Чего ты здесь забыл, валлиец?

– Парень, тебе чего? – повернулся к нему Энтус.

– Дядюшка Энтус, – хмыкнул шотландец. – Я ничего плохого ему не сделаю. Я поговорить хочу.

– Протрезвешь – поговоришь, – бросил дядюшка Энтус. – Ну-ка, сядь! Ултан! – обратился он к своему племяннику. – Угомони-ка своего дружка!

– Эмеш, – робко произнёс Ултан, впрочем, видимо, боль-

ше боясь своего друга, чем дядю.

Шотландец был высоким, широкоплечим, и, если бы не заметная полнота, я бы принял его за одного из тех горцев – воителей, которые, в своё время, во главе с Уильямом Уоллесом, дали незабываемый отпор англичанам.

– Чего тебе? – бросил я, когда он приблизился.

– А, чего, это, они тебя защищают? – хмыкнул он. – Что, сам за себя постоять не можешь?

– Могу, – отозвался я, чувствуя, что мои руки сами сжимаются в кулаки.

– А, чего за их спинами прячешься? – фыркнул он.

– Я не прячусь, – спокойно ответил я, пытаясь найти способ избежать этого разговора, который грозил перерасти уже в нечто большее, чем оскорбление чьей-то гордости. Не то, чтобы я боялся вступить с ним в драку. За время службы на корабле мне доводилось участвовать в куда больших перипетиях, но сейчас здесь было просто не время и не место. Более того, я не мог назвать себя сторонником начинать драку с полупьяным пнём.

– Да, прямо, – он отступил на шаг.

– Алил, пошли, – негромко произнёс Дахи.

Я молча поднялся, однако в этот миг снова послышался голос Эмеша:

– Да, что делают валлийцы, когда им предстоит бой? Они бегут! Потому вы и свой Уэльс потеряли.

Это не была последняя капля. Это была вспышка молнии,

заставившая полыхнуть уже готовую для пожара местность. Я резко остановился и повернулся к нему.

– Повтори! – рывкнул я.

– Что, собираешься драться? – нагло улыбнулся Эмеш, подходя, и останавливаясь в нескольких шагах от меня. Я глянул на него снизу вверх, ибо он был почти на голову выше меня, однако это меня не остановило.

– Извинись, – ледяным тоном произнёс я.

– Да, если бы я сказал неправду, – хмыкнул он. – Вы ж все валлийцы – трусы.

Я почувствовал, как меня захлестнула волна такой злобы, которую я, наверно, не испытывал даже тогда, когда мы бились с голландцами.

– Да, вас, баранов в юбках только и спасло, что вы по горам скакали, а не на равнине! – заорал я, не помня себя от ярости. Я видел, как исказилось злобой лицо шотландца. Затем в моё лицо полетел огромный кулак, от которого я успел уклониться, после чего послышался голос дядюшки Энтуса, называющего меня по имени, а в следующий миг я почувствовал, как мой кулак врежется в живот шотландца. Согнувшись, Эмеш повалился на свой стол, снеся с него кружки с выпивкой.

– Валлиец, ты...! – поднявшись, и пытаясь устоять на ногах, он, вопреки крикам друзей, снова набросился на меня.

И, всё же, не зря я пятнадцать лет посвятил войне. Более того, с первых же мгновений нашего боя я понял, что драться

Эмеш не умеет, и его вызывающее поведение было не более чем бравадой и блефом. Единственное, в чём он мог меня превзойти были его рост и вес, однако ни умения, ни ловкости в его движениях не было. Достаточно было простой подсечки, чтобы он оказался на полу.

– Я тебя убью! – завопил он, поднимаясь.

– Попробуй! – отозвался я, готовясь отразить очередной удар.

В этот раз он оказался умнее. Едва оторвавшись от пола, он бросился на меня снизу. Я почувствовал, как его пальцы вцепились в мою рубашку, и, пытаясь избежать готовящегося мне удара головой в лицо, резко дёрнулся назад. Лоб шотландца едва ни врезался мне в подбородок, и в следующий миг мы оба оказались на полу, по очереди награждая друг друга жёсткими ударами. Я не помню боли, не помню, как мы умудрились сломать два массивных дубовых стола, не помню и того, как мы оказались на улице, под проливным дождём, вышибив дверь. Помню лишь то, что, в какой-то миг трое, или четверо людей, схватив меня за руки, оттянули меня от шотландца, которого я уже почти утопил в луже.

– Алил! Алил, ради Бога, стой! – Дахи преградил мне дорогу, пока я пытался вырваться из рук удерживавших меня рыбаков.

Я остановился, переводя дыхание, и только сейчас чувствуя, как разум возвращается ко мне. Ултан и Патрик помогали Эмешу подняться. Я стоял, задыхаясь от злобы, однако,

уже начиная осознавать себя и всё, что происходит вокруг.

– Алан, – дядюшка Энтус, как оказалось, один из державших меня, похлопал меня по плечу. – Ну, парень, угомонись. Пусти его, – обратился он к кому-то, всё ещё державшему мою руку. Наконец, я почувствовал свободу.

Краем глаза я заметил, что толпа селян, собравшаяся непонятно откуда, чтобы посмотреть на нашу драку, ещё не думает расходиться. Женщины вздыхали, хватаясь за голову и всплёскивая руками. Мужская часть населения с усмешками негромко обсуждали происшедшее. Я стоял, чувствуя внезапно нахлынувшую на меня усталость. Скула под левым глазом и правая бровь пульсировали болью.

– Ну ты ж красавчик, – покачал головой Дахи. – Пошли, пошли, лицо тебе обрабатываем.

– Зачем? – хмыкнул дядюшка Энтус. – Ему его уже обрабатывали. Во, как красиво.

Я только усмехнулся его словам, чувствуя солоноватый привкус крови на губах.

Мы быстро удалились с поля боя, на котором в лужах грязи ещё можно было видеть небольшие кровавые пятна, и направились в дом дядюшки Энтуса.

– А ты молодец, – заметил дядюшка Энтус, прохаживаясь по комнате, пока Дахи обрабатывал мои ссадины. – Я не думал, что ты ему так надаёшь.

– Так, Алил-то у нас военный, – ответил Дахи.

– Ну, военный – не военный, Эмеш его на голову выше.

Это храбрым надо быть.

– На войне и не такое было, – отозвался я. – Да, и Эмешу драться б научиться.

– А он разве не умеет? – удивился Дахи.

– Так, ты видел, как он его отделал, – хмыкнул дядюшка Энтус. – Он же его чуть не убил. Но, парень, ты, всё равно, молодец, – подмигнул он мне.

Я только усмехнулся в ответ. Знал ли хоть кто-то из них, что такое битва в открытом море, когда два корабля сходятся борт о борт, когда исход схватки порой решает даже не умение и не храбрость сражающихся, а всего лишь порыв ветра, который может либо помочь, либо погубить. Что была сегодняшняя драка по сравнению с тем, когда, балансируя на вантах, удерживаясь одной рукой, другой пытаешься поразить своего противника. А под тобой не менее тридцати футов, а там, внизу палуба, на которой тоже кипит битва. Или, когда, перебегая по мосткам, перекинутым на палубу противника, ты в любое мгновение ожидаешь выстрела, или штыка, готового принять тебя и передать прямым в руки смерти? При всём моём уважении и благодарности к Дахи и дядюшке Энтусу, я не мог сказать, что им было знакомо это чувство, ибо ни один из них, ни разу не был на войне. И потому в их глазах я сейчас выглядел героем.

– Алил, – обратился ко мне Дахи. – А, что ж ты полз-то с ним драться, всё-таки?

– Он мою родину оскорбил, – отозвался я. – Я, что, вы-

слушивать это буду?

– Правильно, – кивнул дядюшка Энтус. – Таких надо на место ставить. И за Родину стоять, пусть даже вот так.

Мы ещё долго втроем вели беседу о необходимости защищать свою Родину как от вражеского вторжения, так и от оскорблений, пока Дахи не отправился домой, со словами, что «его будет злиться».

– А, его вечно злая ходит, – фыркнул дядюшка Энтус, закрывая за другом дверь. – Мы как-то оба в неё влюблены были, по молодости ещё, да по дурости. Ну, Дахи ей всё цветы таскал, а я их обоих на лодке катал. Так и свадьбу они на лодке играли, а я в гребцах был. А теперь смотрю, так, мне ещё повезло. Сейчас с этой гарпией, вон, не выжил бы. А, так, встретил потом девушку, неплохо жили.

– А что случилось? – спросил я.

– Умерла при родах, – ответил он. – И сына с собой забрала. С тех пор, вон, с племянниками вожусь.

– Сожалею, – отозвался я.

– Да, на всё Божья воля, – он отвернулся, подавив тяжёлый вздох. – Может, ей там лучше, чем со мной, – он мгновение помолчал. – Ну, а ты?

– А, что я? Я только воевал, – быстро ответил я.

– Ну, ничего, – он по-отечески приобнял меня за плечи. – Вот, обживёшься здесь, девушку себе какую найдёшь, женишься, я тебе дом этот оставлю.

Я через силу улыбнулся.

– Спасибо, – произнёс я, с ужасом подумав: «Не дай то Бог!» Нет, эти двое были прекрасными людьми. И, похоже, я даже заменил дядюшке Энтусу сына. Но оставаться на этой земле, какой бы она ни была прекрасной, я не желал. Твёрдая почва под ногами не внушала доверия. Я привык к плеску волн, к солёным ветрам, к бурям и морским сражениям. И, теперь, пока кровь ещё не замедлила свой бег в моих венах, мне хотелось вырваться из плена этого изумрудного острова и умчаться вдаль, отдавшись милости ветра, наполняющего паруса. Если бы я мог!

Спустя пару дней после этого происшествия я как-то вышел поутру на берег. Накануне мы с дядюшкой Энтусом довольно поздно вернулись с рыбалки. И даже не из-за внезапно начавшегося ливня и сильного шквалистого ветра, который продолжался всю ночь, а теперь сменился на отжимной свежий, что, в принципе тоже не благоприятствовало ловле рыбы. Причиной тому послужило досадное происшествие, заставившее нас потерять больше половины улова, ибо, пытаясь достать сеть из воды, мы зацепились за камни. Теперь нужно было хотя бы сошворить⁵ её, так как через пару дней должны были подойти торговые суда, и на более тщательный ремонт снастей не было времени. Впрочем, успев оценить сегодняшнюю ветреную погоду, я решил, что успею не толь-

---

⁵ Быстрый способ починки сетей путём стягивания швом.

ко съячеить⁶ порванную сеть, но и даже связать новую. Если бы мы и вышли сегодня в море, мы бы вряд ли много чего поймали, ибо глубоководным ловом у нас не было возможности заняться.

Решив не будить дядюшку Энтуса, я в одиночку направился к пристани, где, в числе прочих, находилась и наша лодка. Прежде чем шворить, или съячеивать сеть, её надо просушить. Вчера нам было не до этого.

Я вышел на пристань, как вдруг, чуть поодаль, увидел идущую под парусом лодку. Благодаря отжимному ветру и полному парусу, удалялась она от берега быстро. Впрочем, я бы не обратил на это в дальнейшем внимания, если бы с лодки до меня вдруг не донеслись крики о помощи. Я резко поднялся, забыв о сетях, и взглянул в сторону лодки. Она уже была сравнительно далеко. В тот миг мне показалось, что судьба решила надо мной окончательно насмеяться, ибо в лодке, взывая о помощи, и хватаясь за такелаж, находился Эмеш. Я редко запоминал лица людей, но шотландца сложно было спутать с кем-то иным. Я помедлил лишь мгновение, после чего, сняв швартовы, прыгнул в нашу лодку. Отойдя от пристани на вёслах, я быстро поставил парус, позволив лодке мчаться полным ходом за лодкой Эмеша. Похоже, он тоже узнал меня по мере моего приближения, так как перестал звать на помощь, и теперь просто наблюдал за моими действиями. Я сидел, правя лодкой, изо всей силы надеясь,

---

⁶ Способ ремонта сетей путём провязки новых ячей между полотнами.

что он поймёт, что парус надо убрать, или, хотя-бы, взяться за руль, если не знаешь, что такое вёсла. Его счастьем было то, что моя лодка, хоть и ветробойная, была куда легче, и, соответственно, куда более быстроходная, чем его.

– Долой парус! – крикнул я, замечая, что расстояние между нашими лодками начинает сокращаться.

– Чего? – отозвался он.

– Парус долой! – прокричал я во всю силу своих лёгких.

Эмеш отвернулся, занявшись парусом. Я наблюдал за его неловкими движениями, мысленно проклиная всех шотландцев в его лице. Мало того, что он драться не умеет, так он ещё и ничего в морском деле не смыслит. По всей видимости, он и на рыбалке-то толком ни разу не бывал. Тогда возникал вопрос: зачем он занялся этим сейчас? Или опять элю хватил?

Наконец, Эмеш справился с парусом, что существенно замедлило ход его лодки. Я приспустил свой парус, дабы избежать столкновения, готовясь взяться за вёсла.

– Конец готовь! – крикнул я. Эмеш снова не понял.

– Верёвку, которой ты швартуешься! – проорал я. Эмеш взял в руки канат. Наконец, я дошёл до него.

– Ну, поздравляю, – фыркнул я, когда он передал мне со своей лодки конец, и я взял его на буксир. – Перебирайся.

Он беспрекословно повиновался, перебравшись ко мне в лодку. Я почувствовал на себе его изучающий взгляд.

– Спасибо, – наконец, произнёс он.

– Не за что, – ответил я, убирая парус.

– Алан, – снова произнёс он. – Тебя ж Аланом зовут? – уточнил он.

– Так точно, – кивнул я, усаживаясь у левого борта и замечая, как далеко мы отошли от берега. Теперь придётся грести навстречу противному ветру, да ещё и тянуть за собой громоздкую лодку. Я глянул в сторону открытого моря. Мы почти вышли из бухты. Ещё несколько ярдов, и о возвращении, по крайней мере, сегодня, можно было бы забыть.

– Ал, а чего ты решил меня спасти? – вдруг спросил он.

– А что, не надо было? – фыркнул я. – Давай, весло бери.

Он сел у правого борта, берясь за весло.

– Нет, ну, после того, – хмыкнул он. – Я думал, ты меня убьёшь.

– Хотел, – признался я.

Он усмехнулся.

– Тебя как угораздило? – спросил я, предвосхищая дальнейшие вопросы.

Эмеш скривил губы.

– Да, с друзьями поспорить решили, кто с утра рыбы больше принесёт. Ну, я думал, Ултан тоже отправится, а они так пошутить решили. Меня когда начало уносить, я – глядь, а вёсел нет. Благо, хоть, ты появился.

Я не стал утруждать себя мыслями о разумности подобного поступка.

– Ты рыбачить-то умеешь? – спросил я.

Эмеш помотал головой.

– Мы с отцом земледелием занимаемся, – ответил он. –

Нет, ну, грести я умею.

– Заметил, – отозвался я, наблюдая за его мощной, но не очень правильной греблей.

Мы некоторое время молча буксировали его лодку, пока он, наконец, снова не заговорил.

– Ал, а ты, вообще, откуда?

Я непонимающе взглянул на него.

– Из Уэльса, – отозвался я.

– Нет, ну а, правда, что о тебе говорят? Ты военный?

– Не веришь? – спросил я.

– Поверил, когда ты меня на лопатки уложил, – ответил он, потеряв синяк на подбородке. – Если бы сразу поверил, я бы и подходить не стал.

Я усмехнулся. Оказывается, Эмеш был не так уж плох. Я всегда уважал людей, способных признавать свои ошибки, а Эмеш это, по всей видимости, умел делать.

– Ты тоже извини, погорячился, – ответил я.

– Да, ладно, всё правильно, – ответил он.

Мы ещё некоторое время помолчали, продолжая идти против ветра, что делало продвижение к берегу довольно затруднительным. Я глянул в сторону береговой линии. Да, часа три беспрестанной работы вёслами нам было обеспечено.

– Слушай, – предложил я. – Может, тогда, в знак примирения, через пару дней на рыбалку отправимся. Все вместе.

Ветер, наверно, сменится.

– Давай, – согласился Эмеш. – Научишь сети забрасывать.

Все оставшиеся три часа мы провели почти не разговаривая, дабы попусту не растрчивать силы.

Наконец, мы причалили. За это время на берегу уже успела собраться толпа народу, с любопытством наблюдавшего за нами. Почему-то, как это и бывает обычно, никому и в голову не пришло помочь нам, пока мы входили в гавань. Дальше последовали весёлые насмешливые возгласы, кто-то побежал принимать швартовые, кто-то не преминул отпустить какую-то несуразную шутку, касавшуюся ни то этого происшествия, ни то моего поступка.

Не знаю, насколько верно я выбирал способы завести знакомства на чужой земле, но после этого происшествия наше общение с Эмешом и Патриком стало более дружеским.

Глава третья. Случай в пивной

Время шло, дни сменялись днями, дождливое лето плавно перетекло в туманную осень, которая, в свою очередь, обернулась зимой с её пронизывающими ветрами и штормами, за которой, наконец, пришла весна. Шёл 1784 год. Таким образом, я пробыл в Ирландии полтора года.

Не могу сказать, чтобы в моей жизни к этому времени что-то сильно изменилось. Разве только, выходя в море, уже не приходилось надевать более тёплую одежду, и уже не так страшны были холодные волны, бьющиеся о борта нашей лодки. Однако дождливых дней от этого не стало меньше.

В этот день мы намеревались с Эмешем и Патриком отправиться на рыбалку, но погода решила иначе. Зарядивший с утра ливень только усилился к полудню, а прижимной ветер из сильного превратился в крепкий, так что ни о выходе из бухты, ни о заходе в неё не могло быть и речи. Патрик и Эмеш восприняли этот день как день отдыха. Не сказать, чтобы я тоже горел желанием работать. Я некоторое время позанимался сетями в сарае дядюшки Энтуса, который в это время находился в гостях у Дахи, после чего, решив дать себе отдых, я направился в нашу главную пивную, скорее, надеясь встретить там Патрика с Эмешем, чем выпить.

Я вышел из сарая и пошёл по узкой каменистой тропинке, ведущей вдоль берега. Через несколько десятков ярдов был

поворот направо. А там тропа уже поведёт вниз, вдоль поселения. Затем ещё завернуть за холм, и я выйду прямо к пристани. А там уже пара шагов до пивной. Небо! На этой тропе мне уже был знаком каждый камень! Как я устал от этого места! На какое-то мгновение я снова почувствовал отчаяние, которое я всегда пытался отогнать, но которое, как голодный зверь, бродило на границе моего сознания, каждый раз ожидая бреши, чтобы пробраться и вцепиться в меня своими острыми клыками. И я уже устал и от борьбы с этим зверем. Как же хотелось перемен! Как хотелось убраться отсюда как можно дальше!

Я бросил взгляд на бушующее море. Может, эта тёмная бездна, уходящая в невидимый горизонт, и могла казаться ужасающей, но меня она манила к себе. Сейчас, как никогда, мне хотелось оказаться в самом сердце океана. Стихия безжалостна к тем, кто боится её или превозносится над ней. К тем, кто перед ней смиряется, она милосердна. А я умел смиряться перед стихией. Может, она даже любила меня, ведь она столько раз позволяла мне выжить. Я не знал. Я чувствовал лишь одно: она звала меня к себе, а я, при всём желании, не имел возможности на этот зов откликнуться.

Я спустился вниз, прошёл вдоль поселения, завернул за холм и замер. В нашей гавани, убрав паруса и бросив якоря, стоял трёхмачтовый фрегат. Я остановился посреди тропы, пытаюсь понять, что я вижу – корабль, или видение своего воспалённого мозга. Я протёр глаза. Нет, фрегат был

здесь. Он не стал причаливать к берегу, по всей видимости, из-за волнения. Зато я увидел, что на пристани была пришвартована шлюпка. Явно, она была с фрегата. Но, что это был за корабль? Кому он принадлежал? На военный он на был похож. По крайней мере, оружия на нём не было видно. Торговцы? Тоже навряд ли. По одному они сюда, обычно, не заходили. Может, это просто был какой-то путешественник, застигнутый бурей и оказавшийся невдалеке от нашей бухты? Всё было возможно. И, более того, я догадывался, где могла быть сейчас команда этого фрегата.

Сложно сказать, что именно я чувствовал, когда вошёл в двери пивной. Был ли это проблеск надежды, способный зажечь пламя новой веры и погрузить в ещё больший мрак отчаяния в случае потери этой надежды? Наверно. Притом, где-то в самой глубине сознания ещё билась мысль о том, что именно к этой бездне я и приближаюсь, и будить в себе эту надежду не стоит. Может, стоило развернуться и уйти, не беря старые шрамы? Но какое-то странное чувство всё же толкало меня вперёд. Я хотел увидеть эту команду. Я хотел узнать, откуда они и куда направляются. Я хотел знать, смогу ли я присоединиться к ним.

Однако когда я вошёл, ожидая, что увижу пивную, заполненную моряками с фрегата, я немало разочаровался. Народу здесь было достаточно, но это были местные рыбаки, также как и я, видимо, не знавшие чем заняться в такую бурю и теперь сидевшие полукругом на каменных скамьях и пев-

шие песни. И только два человека за одним из столов сидели обособленно. По всей видимости, это и были люди с корабля. Но, почему так мало? Может, команда осталась на корабле? Но это было несколько странно.

Я сел за крайний стол, стоявший у двери. Дочь хозяина пивной тотчас поставила передо мной бокал тёмного густого эля и тарелку с большим ломтём серого хлеба и куском овечьего сыра. Здесь знали вкусы и содержимое кошельков посетителей.

Я расплатился, после чего, устроившись поудобнее за столом, начал наблюдать за незнакомцами. Первое желание подойти и заговорить уступило место настороженности. Нужно было присмотреться, что это за люди. Тем более что они, действительно, не были похожи ни на военных, ни на торговцев, ни, слава Богу, на пиратов. Скорее всего, это, действительно, были два путешественника, решившие переждать здесь бурю.

Один из них, по всей видимости, являлся владельцем фрегата. Такой вывод можно было сделать хотя бы по тому, как он был одет. Рубашка, шарф, заколотый небольшой золотой брошью с драгоценными камнями и сюртук на нём были почти новые. Да и манера его поведения принадлежала человеку, имевшему большое богатство, но, по всей видимости, не гордящегося этим. Ещё я мог сказать, что он вряд ли часто брал в руки оружие. Впрочем, может, как и вся знать, он был обучен владению шпагой или другим клинковым оружием,

но вряд ли был в этом умении лучшим.

Но, самое главное, как ни странно, этот человек не вызывал у меня отвращения или презрения. Напротив, мне казалось, с ним можно было бы легко сдружиться. Даже не смотря на то, что он был англичанином. В его осанке было достоинство, но не гордость, в жестах – сдержанность, но не леность или брезгливость, столь свойственные людям его положения, оказывавшимся в подобной среде. Его тёмные волосы были зачёсаны назад, лицо гладко выбрито. На указательном пальце правой руки поблёскивало золотом кольцо, скорее всего, являвшееся знаком его рода. Да, он был состоятельным человеком, которого это состояние не портило. Он сидел, что-то говоря своему собеседнику и неспешно попивая чай.

Второй был боцман. У этих людей, обычно, нет ни национальности, ни социального положения. Неважно, где вы находитесь – на военном корабле, на купеческом судне, на пиратской посудине, отобранной у очередного торговца или склёпанной из остатков разных судов, боцман всегда будет говорить, пахнуть, выглядеть одинаково. Его не спутать ни с кем из других членов экипажа. Люди, наверно, не становятся, они рождаются боцманами. А, может, просто материализуются из воздуха, ибо они всегда одного возраста, одного телосложения и на одно лицо. Они даже говорят одинаково. Но, как бы их ни ненавидели или боялись, кто иной, как не боцман, знает каждый дюйм корабля и, главное, что

с этим дюймом делать? И кому, как не боцману, известно, как удержать порядок на судне? Этот человек вряд ли был исключением.

Он тоже был англичанином, но, явно, не принадлежал аристократии, как его друг. И, в отличие от своего друга, был куда более грубо сложен. Одет он был в старый поношенный сюртук без рукавов, притом, вряд ли эта вещь была так скроена изначально. Непонятного цвета рубаха с засученными по локоть рукавами, которая, скорее всего, должна была быть зелёной, была расстёгнута, а на шее, больше походившей на ствол дуба, болтался засаленный тонкий тёмно-бордовый шарф. Он сидел напротив своего собеседника, что-то доказывая или споря, при том так жестикулируя огромными волосатыми руками, сплошь покрытыми шрамами, что пару раз едва не опрокинул стоявший перед ним бокал с пивом и тарелку с жареными свиными рёбрышками.

Я откинулся на спинку скамьи, потягивая эль и пытаюсь прислушаться к их разговору. Спор они вели оживлённый, но, к сожалению, не громкий, так что всё, что я мог слышать сквозь пение и хохот сидевших в противоположной стороне посетителей, было несколько слов, среди которых наиболее часто звучащим было «остров». Я поначалу решил, что речь идёт о каком-то пиратском острове с сокровищами, местоположение которого было им неизвестно, однако, судя по вдохновлённому выражению лица того, кого я счёл собственником корабля, я усомнился в своём предположении.

Нет, он не был похож на пирата. Они искали что-то другое. Но, что? Подойти и спросить? Я прекрасно понимал, что они не ответят мне. Найти предлог? Можно было попытаться, но его ещё нужно было придумать. Впрочем, видимо, моей судьбе было угодно улыбнуться мне в этот раз.

Внезапно в поле моего зрения появилось несколько мальчишек. Наверно, в любой харчевне найдётся стайка полубеспризорников, ищущих, что бы стащить, будь это недоеденный кусок хлеба или кошелёк, набитый золотом и случайно оставленный на скамье. В основном, это была детвора местной бедноты, подобно стайке хищных птенцов рыскавшая в поисках поживы. Одного из них звали Сэмми. Его я узнавал по обильному числу веснушек на переносице и щеках. Это был один из пятнадцати детей местного землепашца. Как-то я позволил ему заработать пару монет за помощь по выгрузке улова из лодки. Этот пройдоха едва не утащил вёсла, после чего, сделав жалобные глаза, выклянчил ещё несколько пенни. И всё же вряд ли я мог сказать, что мне было жаль его. Этому мальчишке доставало наглости воровать, делая честные глаза и оправдываться, что это был не он. Увы, без доказательства его никто не мог вразумить. А отцовской розги, видимо, на всех его братьев не хватало.

Теперь он снова с ещё несколькими мальчишками здесь, что-то высматривая и не забывая при том делать невинный вид. Вскоре его внимание, впрочем, как и моё, привлёк бархатный кошелёк владельца фрегата, лежавший на скамье, ря-

дом с его обладателем и, видимо, забытый им. Итак, я сидел в стороне, более чем уверенный, что этот кошелёк вскоре окажется в цепких пальцах Сэмми. Тогда наступит время действовать.

Сэмми не заставил себя долго ждать. Он пару раз пробежал мимо стола, делая вид, что играет со своим другом в салки. И, наконец, пронёсся рядом со скамьёй, на которой сидел незнакомец. Нет, этот человек, явно, не был пиратом и, скорее всего, не трясся над своим богатством. Он даже не заметил исчезновения кошелька.

Сэмми схватил кошелёк и побежал к двери. Настала пора вмешаться. Когда он оказался рядом со мной, я тотчас схватил его за шиворот.

– Мистер Шайн? – он поднял на меня полный невинности и кротости взгляд небесно-голубых глаз. – Что я сделал?

– Садись, – вместо ответа приказал я. Он не стал вырываться.

– Кто эти люди? – спросил я.

– Не знаю, – ответил он.

– Ты здесь давно ошиваешься, – я не отпускал его ворота. – Видел, откуда они пришли?

– С корабля, который в бухту зашёл. Они из-за волнения решили на якорь здесь встать.

– Ясно.

– Я могу идти? – спросил он.

Я вытащил у него из-за пазухи кошелёк.

– Теперь можешь, – ответил я, отпуская его. – И желатель-но домой, пока я тебе голову не открутил за воровство.

– Да, мистер Шайн, – пробормотал он, вздохнув так, слов-но я его ограбил. Впрочем, возражать он мне не посмел. Махнув рукой своим друзьям, он вышел за дверь.

Я осторожно открыл кошелёк и снова замер. Он был полон серебряных шиллингов и золотых соверенов и гиней. Я не посмел бы пересчитывать, но, полагаю, содержимого это-го кошелька хватило бы мне, чтобы купить всё поселение вместе с его жителями. Я какое-то мгновение помедлил, под-давшись мысли о том, что теперь смогу хорошо заплатить торговцам, чтобы они взяли меня с собой на корабль, одна-ко совесть тотчас взяла своё. Да и, кто знает, может, мне и не придётся ждать торговый корабль. Что, если они возь-мут меня с собой? Я сунул кошелёк за пояс, взял эль и та-релку с хлебом и сыром и направился к незнакомцам.

– Добрый вечер, – поздоровался я, ставя эль и хлеб на стол и тотчас оказываясь под изучающим взглядом богатого чело-века и недоброжелательным взглядом боцмана. – Разрешите присоединиться?

– Да, конечно, – последовал ответ богатого незнакомца.

– А что, мест больше не нашлось? – фыркнул боцман. – Иди, присоединяйся к ним, – он кивнул в сторону громко хо-хотавших и поющих рыбаков. Впрочем, меня его тон не сму-тил. Я уже был привычен.

– Даже так не позволите? – спросил я, вытаскивая из-за

пояса мешок с монетами. Я увидел, как изменилось выражение лица первого незнакомца.

– О, Господи! – произнёс он. – Я даже не заметил его исчезновения.

– Брайан! – протянул боцман, стукнув ладонью по столу. – Я говорил! – он перевёл взгляд на меня. – А у тебя-то они откуда оказались? – спросил он.

– Отобрал у местного вора, – ответил я.

– Прежде, подговорив его, – боцман смотрел на меня испытующе, что, впрочем, невольно вызвало у меня усмешку.

– Думаю, ввиду Вашей проницательности, сэр, мне это делать было бы бесполезно, – ответил я. – Вы не из тех, кому можно солгать.

На лице боцмана появилась кривая, но уже более доброжелательная улыбка.

– Что, людей насквозь видишь? – хмыкнул он.

– Никак нет, – ответил я, присаживаясь рядом с Брайаном. – Но могу сказать точно. Вы – боцман, и Вы – с того фрегата, что стоит в бухте. А Вы, сэр, – я обратился к Брайану. – Владелец этого корабля. Притом вы оба не торговцы и не военные. Вы больше похожи на людей, которые что-то ищут, но не пиратские сокровища. На этом моя проницательность исчерпывается. И я хотел бы знать, что вы ищите и куда держите путь. Хотя, я прекрасно понимаю, что вы не обязаны посвящать меня в свои дела.

Брайан с боцманом переглянулись.

– А что, это так заметно? – прищурившись, произнёс боцман.

– Я не первый раз общаюсь с подобным Вам человеком, сэр, – ответил я.

– Ну, тогда парень, дай тоже блеснуть пронизательностью, – произнёс он, навалившись на стол и прямо глядя на меня. – Ты – военный, притом, неплохую должность занимавший. Ну, и, явно, не из этих мест. И теперь не знаешь, как выбраться отсюда. Так?

– Так точно, – я кивнул, отпивая порядочный глоток эля. – И, думаю, Вашей пронизательности будет достаточно, чтобы предвосхитить мой главный вопрос.

– Возьмём ли мы Вас с собой? – вдруг произнёс Брайан. Я перевёл на него взгляд. Он изучающе смотрел на меня.

– Да, – признался я.

– А тебя здесь что-то не устраивает? – хмыкнул боцман.

– Я хотел бы вернуться во флот, – ответил я, в двух словах рассказав о причине, по которой я оказался здесь. – Но, если могу оказаться вам полезен, то мог бы попроситься в вашу команду.

– А звать тебя как? – спросил боцман.

– Капитан-лейтенант Алан Джозеф Шайн, – представился я.

– Роберт Смит, – помедлив, протянул боцман, переводя взгляд на Брайана. – Что скажете, мистер Хорнби?

– Знаете, мистер Шайн, – Брайан оценивающе, но доб-

рожелательно посмотрел на меня. – Я бы с удовольствием предложил Вам место на моём корабле. Тем более что, как человек военный, вы можете нам быть очень полезны. Но я не знаю, согласитесь ли Вы стать членом моего экипажа.

– В чём-то может быть подвох? – спросил я.

– Как сказать? – хмыкнул Роберт. – Ты прав, капитан-лейтенант. Мы ищем. Да, вот, не всем понятно, что.

– А что вы ищите?

Наступила пауза, длившаяся не более секунды.

– Авалон, – произнёс Брайан. – Мы ищем Авалон.

Если мне и приходилось весь день чему-то удивляться без перерыва, то это был именно тот день.

– Авалон? – переспросил я. – Тот самый?

– Самый, самый, – ответил Роберт.

Я непонимающе посмотрел на обоих собеседников. Не знаю, верил ли я сам в этот остров. С одной стороны, образованные люди, учёные утверждали, что Авалона нет и что этот остров – лишь миф и фантазия тех, кто не стремится добросовестно работать, и верит в сказки. С другой стороны, я не мог слепо отвергнуть предания моего народа. В конце концов, мне всегда казалось, что все эти сказания не были основаны на пустоте или вымысле какого-то одного человека. Может, Авалон и был? Только представление у всех о нём было разным.

– А хоть какие-то успехи в его поиске есть? – спросил я, пытаясь избежать вопросов веришь-не веришь.

– Пока что нет, – ответил Брайан. – Мы только недавно решили этим заняться. И, как выясняется, люди не особо вдохновлены этим поиском.

– Да, мы думали, от желающих отбоя не будет, – согласился Роберт, принимаясь за свиные рёбрышки. – Но прогадали.

– Мы с Робертом и есть весь экипаж корабля, – произнёс Брайан.

– И как вы вдвоём управляетесь? – удивился я.

– Признаю, это сложно, – улыбнулся Брайан. – Люди очень нужны. Но, кому я ни предлагал, все отказываются, называют нас сумасшедшими и пытаются убедить, что Авалона нет.

– А почему Вы думаете, что он есть? – спросил я. – Это не сомнение, мне просто хочется знать.

– Я думаю, что древние предания далеко не всегда возникли на пустом месте, – ответил он. – Авалон должен существовать. Брану ведь удалось до него добраться.

– Ну, – Роберт на миг оторвался от рёбрышек. – Только он на землю не имел права ступить потом.

– Ну, так, нам не обязательно на нём высаживаться, – ответил Брайан. – Нам достаточно найти его.

– Тогда, если позволите, я бы присоединился, – сказал я, немало удивлённый заинтересованностью англичан в сказаниях нашего народа. – И, если мистер Хорнби не против, я мог бы пригласить ещё нескольких человек.

– Которым здесь нечего делать? – усмехнулся Роберт.

– Которые смогут быть полезны, – ответил я.

– Я не против, – одобрительно произнёс Брайан. – Если ты найдёшь ещё человека два – три, это уже будет хорошо.

– Я постараюсь, – ответил я.

– Ну, тогда за Авалон, – хмыкнул Роберт, поднимая бокал с пивом. Я поднял свой бокал. Брайан, с дружеской улыбкой, поднял чашку с чаем.

Глава четвёртая. Сборы

На следующий же день я ещё до рассвета направился к Эмешу.

Шотландец спал мертвецким сном, так что мне пришлось, по тихому забравшись в окно его спальни комнаты, долго трепать его за плечо, не имея право крикнуть, дабы не разбудить весь дом. Наконец, Эмеш продрал глаза.

– Ты чего? – пробормотал он, отрывая голову от подушки.

– Разговор есть, – ответил я.

– А чего так рано?

– Мне ещё с дядюшкой Энтусом сегодня в море выходить, – ответил я. – И рассказать ему кой о чём придётся...

– О чём? – перебил вопросом Эмеш, садясь на кровати и сонно глядя на меня.

– Я сейчас и хотел тебе сказать, – фыркнул я. – У нас в гавани на якоре стоит фрегат. Экипажу – два человека: его владелец и боцман. Так вот, владелец судна – Брайан Эдвард Хорнби – пытается найти Авалон...

– Чего найти? – снова перебил Эмеш, протирая глаза, хотя я уже не видел, чтобы он был слишком сонливым.

– Да, Авалон, – ответил я, понимая его удивление и предвосхищая дальнейшие вопросы. – Тот самый, из легенд. Брайан считает, что этот остров существует...

Эмеш непонимающе посмотрел на меня.

– Ты когда с этим леприконом с Авалона разговаривал? – спросил он.

– Вчера вечером, – ответил я.

– И ты ему поверил? – Эмеш посмотрел на меня как на сумасшедшего. Впрочем, меня это не оскорбило.

– Эм, – я усмехнулся. – Это ж шанс убраться отсюда. Мы можем мир посмотреть. Я, вообще, надеюсь во флот вернуться. Кто знает, как получится. Есть этот Авалон, нет его – это не важно. Важно, что можно выбраться из этой дыры. По крайней мере, я о себе это сказать могу. А ты, если хочешь, можешь присоединиться.

– Ал, – Эмеш хмыкнул. – У тебя деньги есть ему заплатить? Или рыбой отдавать будешь?

– Если б ты дал сразу договорить, вопроса б не возникло, – отозвался я. Разумеется, я не знал Эмеша, как себя, но одно я знал точно: если шотландец начинал говорить о цене, это означало, что он уже согласен на то, что ему предлагалось. – Брайан сам заплатить готов. Он заинтересован в наборе команды. У него даже капитана нет. Так что тут ещё и заработать можно...

– А потом удрать, – Эмеш вскинул бровь.

– Это как получится, – ответил я. – Можно, конечно, и походить по морям. Раз за это платят. И не удрать, а договориться.

Эмеш пожал плечами, кутаясь в покрывало.

– Я подумаю, – ответил он.

– Прекрасно, – я направился к окну. – Встретимся вечером. Часов в шесть.

– В пивной?

– Да.

– Хорошо, – он кивнул и снова упал на подушку.

Через секунду до меня донёсся громкий храп. Всё так же пытаюсь не нарушить покой его дома, я выбрался через окно и быстро направился в сторону пристани. Дядюшка Энтус в скором времени должен был подойти, если уже не ждал меня.

Я быстро спустился на пристань. «Северная Звезда» безмятежно покачивалась на воде, убрав паруса. На палубе я заметил Роберта. Боцман с усмешкой небрежно махнул мне рукой в знак приветствия.

– Доброе утро, – отозвался я, проходя к лодке.

Дядюшки Энтуса ещё не было, значит, я не опоздал. Я забрался в лодку, чтобы подготовить сети. А ведь подумать только! Мне ж сегодня придётся как-то объяснить ему, что я намерен покинуть Ирландию, оставить промысел и собираюсь отправиться на поиски легендарного Авалона, в существовании которого сам не до конца уверен. Если это не будет безумством, то это будет предательством. Как и то, что я намеревался воспользоваться предложением Брайана для того, чтобы вернуться во флот. Может, если дядюшка Энтус не особо обидится и Брайан будет всё так же великодушен, мне стоит отправиться на поиски острова? Иначе слишком

уж как-то некрасиво всё это получается.

Наконец, дядюшка Энтус и Дахи появились на тропе. Я сделал вид, что занят сетями. Небо! Что я им скажу? Они меня спасли, приняли, приобщили к своему промыслу. Как теперь объяснить, что всё, чем я с таким рвением занимался, на самом деле, было лишь способом скоротать время ожидания подходящего случая для того, чтобы всё это оставить?

– Алил! – донёсся до меня голос Дахи. Я нехотя поднял голову и через силу улыбнулся. Дахи весело помахал мне рукой, что-то одновременно оживлённо рассказывая дядюшке Энтусу. Я сделал глубокий вдох. И всё же бросаться с саблей наперевес на противника было куда проще, чем признаться двум своим добродетелям в том, что хочешь покинуть их обитель. Но сделать это надо было здесь и почти сейчас.

Мы вышли в море, как и обычно, под шутки Дахи, подкололы дядюшки Энтуса и под полным парусом. Забросить, протащить и вытащить сеть, выпутать рыбу – всё шло, как обычно. Я старался делать вид, что ничего не произошло и меня ничто не тревожит. Я так же, как и всегда, управлял лодкой, однако в какой-то момент дядюшка Энтус, как-то изучающе взглянув на меня, спросил:

– Алил, ты чего?

– Что? – отозвался я.

– Гребёшь, как будто взлететь пытаешься, – усмехнулся он. – Так, что?

– А может, он у нас влюбился? – Дахи, по-мальчишески

улыбаясь, посмотрел на меня. – Ну, Алил, кто это?

– Никак нет, я не влюбился, – ответил я, сбавляя темп и понимая, что наступил момент, чтобы всё рассказать. И чем прямее я это скажу, тем будет лучше. Я сделал краткий вдох.

– Дахи, дядюшка Энтус, – произнёс я, удивляясь, что голос звучит спокойно. – Вы видели корабль в гавани? Его хозяин решился на дальнейшее плаванье. Ему нужна команда. Я изъявил желание присоединиться. Я понимаю, что с моей стороны это будет выглядеть отвратительно по отношению к вам. Вы много для меня сделали, я вам благодарен. И жизнью обязан. Я это осознаю. Если вы скажете, что вы против, я останусь.

Наступило непродолжительное молчание. Не знаю, почему, но я почувствовал какую-то лёгкость, то ли от того, что сказал всё, то ли от того, что сказал всё враз. Дахи и дядюшка Энтус переглянулись.

– Знаешь, парень, – наконец, негромко заговорил дядюшка Энтус. – Мы не вправе тебе диктовать свои условия или навязывать чего. Это твоя жизнь. Не мы её тебе дали. Тебя Бог спас. Ну, Он позволил нам доброе дело для тебя сделать. Так и ты нам добра сколько сделал. Я б без тебя крышу не перекрыл, – он как-то грустно усмехнулся. – Да и кто б мне так лодку отремонтировал?

– Да, Алил, ты не переживай по поводу нас, – поддержал его Дахи. – Ты ж не обязан жизнь свою на нас тратить. При-

вязался я просто к тебе, сынок, – он резко махнул рукой и замолчал. Дядюшка Энтус с укором взглянул на него.

– Ну, давай, расстрой парня, – фыркнул он. – Вот, сейчас так и будет, – он, усмехнувшись, повернулся ко мне. – «Ты не смотри, ты не переживай, ты езжай, а я тут реветь буду», – передразнил он друга.

– Так, опасно ж там, в открытом-то море, – возразил Дахи, скорее, чтобы оправдать причину своей грусти, чем, действительно, понимая, что он говорит. – Тут на рыбалке-то двое за год не вернулись, а он – в море. Сынок, – он взглянул на меня. – Ты уж, ради Бога, будь осторожен...

– Всё, всё, Дахи, угомонись, – дядюшка Энтус похлопал своего друга по плечу. – Ему ещё собираться. Кстати, а куда направляетесь-то? – спросил он. Я сделал глубокий вдох прежде, чем ответить:

– На Авалон.

Последовало краткое молчание.

– Это как так-то? В Иной мир сразу? – Дахи с волнением посмотрел на меня.

– Брайан считает, что он есть в нашем мире, – ответил я.

Дахи беспомощно взглянул на друга.

– Ну, хоть ты-то ему скажи чего! – произнёс он.

– Чего тут, – развёл руками дядюшка Энтус. – А может есть. Может, и найдёте. А не найдёте, так всегда можешь сюда вернуться.

– Спасибо, – только мог ответить я.

Весь день прошёл довольно быстро. Мы причалили, разобрали улов, развесили сети на просушку, после чего я начал сборы. Впрочем, это заняло не более двадцати минут, ибо сбросить все свои скромные пожитки в мешок труда не составило. И впервые за всё это время я надел свою офицерскую форму. Не то, чтобы это был предмет гордости. Я просто не мог представить, как можно было бы появиться на палубе в каком-то ином виде. Дядюшка Энтус всё это время наблюдал за мной. Когда я затянул мешок и поднялся, он подошёл ко мне.

– Вот, держи, – произнёс он, протягивая мне свой серебряный крестик. Я, не решаясь взять столь ценную вещь, взглянул на него. – Бери, бери, без возражений, – он сунул крестик мне в руку. – Вы, протестанты, может, не верите в это, а мне, как католику, спокойней будет.

– Это слишком уж большая честь для меня, – возразил я.

– Бери, не спорь, – ответил дядюшка Энтус. – Бог мне ещё большую честь дал, когда позволил для тебя доброе дело сделать. Забирай, мне его, всё равно, некому передать. А так, я его тебе, как сыну, подарить могу.

– Спасибо большое, – ответил я, надевая крестик и пытаюсь сдержать чувства. Небо! Сколько времени я хотел сбежать отсюда! И никогда не думал, что расставаться будет так тяжело! – Я буду молиться о вас.

Дядюшка Энтус положил мне руки на плечи.

– Ну, вот, будем пред Господом нашим встречаться все

вместе. Давай, парень, храни тебя Бог.

– Да благословит вас Господь, – ответил я.

Спустя четверть часа я уже был на пристани.

Впрочем, все мои переживания по поводу расставаний улетучились, едва я заметил на причале Эмеша и Патрика. И если первого я сам звал и надеялся увидеть, то второго, точно, не ожидал встретить.

– А ты здесь откуда? – спросил я, протягивая ему руку для приветствия.

– Решил с вами. Мне Эмеш сказал, вы Авалон собираетесь искать.

– Ты в него, правда, веришь? – удивился я.

– Почему бы нет, – ответил Патрик. – Всё возможно. Наши предки ведь в него верили.

– Наши предки и в эльфов с фоморами верили, – хмыкнул Эмеш. – Я тут просто ради развлечения плыву.

– Иду, – поправил я. – На корабле ходят.

– Это ты ходил, – ответил Эмеш. – А мы плывём. Мы ж не бывалые волки морские.

Я только усмехнулся в ответ.

Присутствие Патрика показалось мне удивительным. Он был третьим сыном местного краснодеревщика, весьма набожного человека, немало работавшего над убранством местной церкви. Впрочем, Патрик не стремился следовать за своим отцом ни в ремесле, ни в вере, хотя, зачастую, имен-

но он и был совестью нашей небольшой компании. Правда, как я сумел убедиться за свою жизнь, нередко совесть человека пробуждается не ввиду твёрдости убеждений, а ввиду страха наказания. По крайней мере, я вряд ли бы смог понять причину нахождения Патрика здесь, ибо особой смелостью он не отличался.

Что же касалось нас с Эмешом, тут я бы больше готов был сказать об азарте, ведь, если смелость можно рассматривать, как подавление страха, то азарт был его полным отсутствием. Выгрести против крепкого ветра, распутать сеть на глубине на одной задержке дыхания, забраться на прибрежные скалы ночью и прыгать в воду вниз головой, охотиться на чужих землях, которые оказались присвоены каким-то вдруг появившимся невесть откуда богачом и после прятать дичь, проскальзывая мимо заграждений – всё это порождал именно азарт. И за наше довольно продолжительное общение Эмеш успел заразиться этим азартом. А поиск Авалона, приключения, опасности – всё это было более чем благодатной почвой для его проявления.

– Здорово, саблезубый! – последовало приветствие Роберта, когда мы поднялись на борт.

– Меня обычно Звездочётом называли, – ответил я.

– Эт почему? – спросил Роберт, одновременно приветствуя моих друзей.

– Пытался изучать навигацию, – ответил я.

– И как? – хмыкнул Роберт.

– Ну, я ж сказал, пытался, – усмехнулся я.

– Север помнишь где? – всё с той же ухмылкой спросил Роберт.

– В противоположной стороне от юга, – ответил я.

– Не пропадём, – протянул Роберт. – Лады, Звездочёт, – произнёс он уже серьёзно, хотя в той же развязанной манере. – Пролоцманишь нас отсюда? А то мы вчера, ей-богу, дважды чуть не налетели на рифы. Уж вроде и видимость сносная, а вот что значит – местность незнакомая.

– Так точно, – ответил я. – Мы когда отходим?

– Щас главный вернётся, – ответил Роберт. – Я его убедил тут по дешёвке затариться провиантом.

– Ясно, – отозвался я, удивляясь тому, что Брайан так легко готов был кому-то доверить корабль. – У вас тут, кстати, главный член экипажа имеется? – спросил я, заметив на новом такелаже следы потёртости, которые могли оставить только крысиные зубы.

– Ты про кота? – спросил Роберт. – Я Брайану говорил.

– Тогда я тоже скоро вернусь, – ответил я.

Я снова спустился на причал и направился в сторону пивной. Месяца два тому назад местная кошка, каких можно в избытке встретить в любой харчевне, принесла потомство, среди которого я как-то особо выделял одного чёрного котёнка – ласкового задиру, не дававшего жизни своим собратьям и не пропускавшего ни одного посетителя без того, чтобы его не погладили. Не знаю, почему, но я дал ему прозви-

ще Билли.

Чёрный Билли, как и всегда, встретил меня у входа. Я взял его на руки.

– Пойдёшь со мной? – спросил я, почёсывая его за ухом. Впрочем, если бы он даже мог говорить и вдруг человеческим языком выразил своё несогласие, в чём я сомневаюсь, я бы всё равно его забрал. Слишком уж боевой был у него нрав. А это было на руку для борьбы с крысами.

Я развернулся и направился обратно к кораблю, как вдруг где-то за скалами мелькнуло что-то белое, подобное парусу. В следующий момент я увидел галеон с белоснежными парусами, выкрашенный, как мне показалось, в очень светлый, почти белый цвет. Второй корабль? Чей? Кто ещё пожаловал? Я постарался рассмотреть его за скалой. То ни одной захудалой посуды за несколько месяцев не причалит, то целые флотилии кораблей сюда стремятся. Я прошёл на пристань. Однако на прибрежных волнах покачивался только корабль Брайана. Я быстро поднялся на борт, крепко прижимая и без того вцепившегося в моё плечо Билли.

– К нам ещё гости? – спросил я, ожидая появления корабля.

– Какие гости? – Эмеш непонимающе посмотрел на меня.

– Там за скалами какой-то корабль идёт, – ответил я.

– Я не заметил, – ответил Эмеш.

– Так, он прямо вдоль скал шёл, – пояснил я. – Белый какой-то.

– Ты корабль видел? – Эмеш повернулся к Патрику.

– Ничего не видел, – ответил Патрик. – Роберт?

– Не, не видел, – отозвался боцман.

– Ну, сейчас, значит, увидите, – ответил я, отпуская Билли и наблюдая за входом в бухту. Галеон уже должен был раза два появиться. Может, он встал на якорь снаружи бухты? Вдруг они просто не рискуют входить сюда?

Внезапно в поле моего зрения попала какая-то крупная белая точка, быстро удаляющаяся в сторону горизонта. Однако в этой точке было невозможно не узнать тот самый галеон. Но, как? Как он за такое короткое время успел уйти так далеко? Это было не под силу ни одному из известных мне типов кораблей. Я не преувеличу, если скажу, что он двигался раза в четыре быстрее ветра. – Подожди, вон он, – только и мог пробормотать я, указывая в сторону корабля.

– Где? – спросил Эмеш. Все трое проследили в указываемом мной направлении, однако галеон уже скрылся за горизонтом.

– Ушёл, – ответил я, всё ещё надеясь, что увижу корабль.

– Ал, ты сегодня пил? – усмехнулся Эмеш.

– Эт он так в море хочет, что ему уже корабли грезятся какие-то, – хмыкнул Роберт. – Расслабься, парень. Скоро отчалим.

– Говорю тебе, я его только что здесь видел, – ответил я.

– Ты, главное, Брайану скажи, – посмеялся Роберт. – Вот уж он рад будет!

Брайан подошёл не позже, чем через полчаса, сопровождаемый нашими портовыми грузчиками, тащившими ящики с провизией. Погрузка прошла довольно быстро, после чего я, по ранее выраженной просьбе Роберта, вызвался вывести «Северную Звезду» из бухты.

– Это будет очень правильно, Алан, – отозвался Брайан, также как и Роберт, упоминая о сложности, связанной с вхождением в бухту и причаливанием. Я направился к штирборту, чтобы перебраться в лодку.

– Брайан, ты знаешь, что наш Звездочёт уже видения начал видеть? – усмехнулся Роберт, кивком указав на меня.

– И что за видения? – с лёгкой улыбкой спросил Брайан.

– Да, какой-то белый корабль, – ответил я. – Не могу знать, но, кажется, галеон.

– Белый корабль? – выражение лица Брайана вдруг стало серьёзным. – И где?

– За скалами прошёл, – ответил я. – Правда, потом, каким-то образом далеко в море оказался.

– В какую сторону он направился? – спросил Брайан.

– Строго на запад, – ответил я. – А что?

– Он мог указывать нам путь на Авалон, – произнёс Брайан. – Нам нужно следовать за ним.

– Брайан, у тебя толком команды нет! – недовольно произнёс Роберт. – Набери экипаж, тогда уж попрём за этим вашим белым кораблём. Сейчас и без того ветер свежий, нас легко вдоль побережья домчит. До Плимута дойдём, коман-

ду наберём, а там хоть за белым кораблём, хоть за зелёным.
– Но, если это шанс быстрее добраться? – произнёс Брайан.

– Шанс сгинуть быстрее? – фыркнул Роберт. – Говорю тебе, не дури! Послушай опыта. Я в этих делах больше твоего соображаю.

– Ладно, ладно, – отмахнулся Брайан. – Пусть по-твоему будет.

И он дал мне отмашку перебираться в шлюпку. Однако, уже перебираясь за борт, я успел услышать негромкий голос Роберта:

– Слышь, Брайан, я думаю, что это какой-то недобрый знак был.

Если Брайан что-то и ответил, то я уже не услышал.

Глава пятая. Начало пути

Я не раз в своей жизни зарекался что-то советовать или делать замечания, но всегда нарушал собственный же зарок. Так и в этот раз, спросив у Брайана, нет ли на «Северной Звезде» судового журнала и, выяснив, что нет, я тотчас получил от него распоряжение взять эту обязанность на себя. Впрочем, вряд ли это было распоряжением. Скорее это была просьба, ибо Брайан не умел командовать. Не особо долго возмущаясь на себя, я вскоре уже со всей ответственностью взялся за порученное мне дело, начав, при том, вести и свой личный дневник, как к тому была положена привычка ещё со времён моей службы на флоте, пусть это изначально и был способ, который Ричард использовал для того, чтобы обучить меня грамоте. И я старательно записывал все происшествия и давал описания происходящим событиям и окружавшей нас местности. Если же слов не хватало, я переходил к рисункам.

Итак, мы вышли из гавани 17 мая 1784 года и, пройдя вдоль побережья на юг, обошли Уэльс и направились в Плимутский порт. За всё время этого краткого похода нам удалось набрать двенадцать человек, одним из которых был плотник и одним – юнга. Роберт намеренно не брал на борт ремесленников из провинциальных городов, объясняя это тем соображением, что люди могут просто выдать

себя за профессионалов, на самом деле, желая лишь принять участие в интересном путешествии за чужой счёт. Так что присутствие Итана, скорее, было исключением и ему пришлось немало потрудиться, чтобы доказать не спускавшему с него глаз боцману, что его умение, как плотника, было действительностью, а не хитростью. Что же до меня, то я был больше, чем уверен, что мы и троих добровольцев по поиску Авалона не наберём, тем более что Брайан упоминал об этой проблеме, и потому двенадцать человек уже показалось мне немалой роскошью.

– Остальных наберём в Плимуте, – говорил Роберт, когда мы втроем устроили небольшой совет в капитанской каюте, оставив Патрика и Эмеша наблюдать за порядком. – Там хоть как-то уверенным можно быть, что народ профессиональный.

– Я, всё же, думаю, что нам нужен капитан, – заметил Брайан. – Я не смогу...

– Зачем? – недовольно перебил Роберт.

– Потому, что я не смогу управлять командой так, как полагается, – терпеливо ответил Брайан. – Я не умею управлять кораблём, я не понимаю в морском деле ничего, ты сам это знаешь...

– Нам штурман толковый нужен, – ответил Роберт. – И старпом. И никаких капитанов. Брайан, слушай сюда! – Роберт опёрся о стол, недовольно глядя на Брайана. – У нас и без того команда не самая обычная набирается. Нормаль-

ный человек с нами не отправится. Или заломит такую плату, что разоришься. Брать какого-то проходимца или чурбана я не собираюсь. Всё, что по кораблю надо знать – я знаю. Старпомом ты кого хотел? Говарда?

– Да, – Брайан кивнул.

– Ну, вот, уже. С остальными я разберусь. Лучше, вон, со Звездочётом чего решите.

– Да, я хотел о вооружении поговорить, – ответил я. – У нас нет оружия. А путь опасный и долгий. Нам, хотя бы шестнадцать орудий надо.

– Мало не будет? – спросил Роберт.

– Никак нет. У нас не столь большой экипаж. Смысла в лишних орудиях нет. Тем более, нам нужен будет порох, снаряды, пыжи, масло, банники и прочее. И, если вы не против, мне бы в помощники канонира.

– Найдём, – кивнул Роберт.

– Какое вооружение ты считаешь необходимым? – спросил Брайан.

– Две карронады, десяток по двенадцать фунтов и четыре в двадцать четыре фунта, – ответил я. – И обязательно сигнальную. По поводу личного вооружения, здесь соглашусь с Робертом, профессионально владеют оружием не все, так что надо будет обучить часть команды, но на достойных клинках. Не дамасская сталь, конечно. Но можно найти неплохое оружие за приемлемую цену.

– Вы все так за моё состояние переживаете, – усмехнулся

Брайан.

– Так, нам ещё по морям невесть сколько ходить! – ответил Роберт.

– Хорошо, сделаю, как ты скажешь, – согласился Брайан.

В Плимуте мы встали на якорь 21 мая 1784 года.

Но и здесь не обошлось без определённых неприятностей. 30 мая на борт поднялся Говард Эдмунд Сомерсет Александр Кирксвуд, сколько-то-там-юродный брат Брайана. Впрочем, я его знал, хоть и не лично, как капитана каравеллы «Маргарита», потерпевшей крушение в 1780 году у берегов Мали и вовсе не по причине шторма. Говорили, что «Маргарита» пришла за очередной партией рабов, но что-то пошло не по плану, и почти весь живой товар, вместе с золотом и алмазами, отправился на дно. Спаслась лишь часть экипажа, и эта часть утверждала, что «Маргарита» погибла из-за сильного волнения, хотя, ходили слухи, что корабль был подорван. Стоило ли этим слухам верить? Не знаю. Теперь единственное, что можно было сказать, это то, что Говард Кирксвуд, вернувшись из этого похода, подал рапорт об отставке, которая принята не была, но по его собственному настоянию, он пошёл на должность старпома. И за это его уважали.

При первом знакомстве Говард показался мне весьма достойным человеком. Его манера разговора была располагающей, взгляд открытым и прямым, что я немало уважал в лю-

дых, а в жестах и осанке легко было угадать человека благородного происхождения. Впечатление, однако, испортилось довольно быстро, стоило мне представиться.

– Шайн, – протянул он, когда я назвал свою фамилию. – Шайн. Где-то я это слышал.

– «Фортитуда», – напомнил я. – Битва при Доггер-банке.
– Да, да, – он изучающе посмотрел на меня, не протягивая руки. – Адмирал Паркер ушёл в отставку. А команду отправили в Америку. Подождите, а какого Шайна тогда повесили где-то год назад?

– Ричарда, – невольно вырвалось у меня.
– Да, да, Ричарда Шайна, точно, – Говард отступил на шаг, не сводя с меня изучающего взгляда. – А Вы – его брат. Дезертир.

Мне на миг показалось, что я лишился дара речи.
– Никак нет, – спокойно возразил я, хотя слова дались с трудом.

– Вы – валлиец. Это всё объясняет, – ответил Говард, поворачиваясь к Брайану. – У тебя преступник на борту. Ты должен выдать его правосудию.

– Ты решил, что он преступник только потому, что он валлиец? – усмехнулся Брайан. – Я так не считаю.

– Его по всей Англии искали, – ответил Говард. – Брайан, ты знаешь, что его брат устроил бунт?

– Мой брат, но не я, – ответил я. Начинаясь подниматься во мне возмущение вернуло мне способность говорить. –

Дэвис лично в меня стрелял, когда я отказался.

– И Вы можете доказать, что это именно Дэвис в Вас стрелял? – хмыкнул Говард. – Вы военный. Думаю, ранений у Вас достаточно. Любой шрам можно теперь за медаль выдать.

– Говард, чего ты хочешь? – спокойно перебил Брайан.

– Ты должен его правосудию выдать, – ответил Говард.

– Он мне ничего плохого не сделал, – ответил Брайан.

– Он – брат заговорщика. И дезертир, – отчеканил Говард. – Я не собираюсь с ним на одном корабле находиться. Пусть сойдёт на берег.

– Его арестуют, если он сойдёт, – ответил Брайан.

– И это правильно...

– Нет, – Брайан жестом остановил брата от дальнейших возражений. – Во-первых, мистер Шайн – не дезертир. Я сам от него не раз слышал, что он хотел бы вернуться во флот. У него просто не было возможности. Во-вторых, за дела брата он ответственность не несёт, а в третьих, его причастность ещё надо доказать, и то, что он – валлиец, решительно не является причиной вынести ему смертный приговор. Мистер Шайн не сойдёт на берег, и я его не выдам. Если же эта попытка будет кем-то предпринята, я лично буду ходатайствовать о нём перед судом и найму лучших адвокатов, чтобы его оправдали. Но это отнимет у меня время. Мы договорились?

– Смотри сам, – отмахнулся Говард. – Я переубеждать тебя не стану, мне тоже жаль своё время. Пойдём, лучше, обсудим детали нашего путешествия.

Они вдвоём направились на капитанский мостик. Я оперся о фальшборт, глядя на берег. Плимутский порт бурлил жизнью, но лично мне вход на эту землю живых был заказан. Небо! Быть так близко к своей мечте, почти дотянуться до неё рукой, но не сметь коснуться её! Это было жестоко. Хотя, впрочем, может, и правильно? Я горько усмехнулся. Всё-таки у моей судьбы было довольно своеобразное чувство юмора. Она позволила мне чудом выжить в момент расстрела, свела с Брайаном, а теперь, когда я надеялся, что она окончательно приняла мою сторону, злорадно улыбалась мне с берега, на который я не имел права ступить, как если бы я уже побывал на Авалоне. Или она так хотела, чтобы я искал этот остров? Ведь это хорошо, что Говард встретился мне здесь и сейчас, а не где-нибудь в порту, где он обязательно бы попытался отдать меня в руки правосудия. И Брайан, на удивление, проявил не свойственную ему твёрдость.

Я устало вздохнул, пытаюсь побороть в себе сетование на несправедливость судьбы. Нет, она была справедлива. И даже милостива. Просто, наверно, я не мог до конца понять её планы.

Я отошёл от штирборта и направился в трюм, но тут же меня окликнул грубоватый голос Роберта:

– Мистер Шайн! Можно Вас?

Я приблизился, несколько удивлённый таким формальным обращением с его стороны. Рядом с Робертом стоял невысокий человек, судя по выправке, тоже военный, но ко-

того, видимо, безжалостно помотала жизнь.

– Ваш канонир, – представил его мне Роберт.

– Нэвиль Гейл, – человек повернулся ко мне и как-то неуверенно протянул руку. – Унтер-лейтенант в отставке.

– Алан Шайн, капитан-лейтенант, – я уверенно пожал его руку. – А где Вы служили? – поинтересовался я.

– «Маргарита», – ответил он. – Капитан Говард Кирксвуд.

– Я у адмирал Паркера, «Фортитуда».

– Но мы, наверно, не пересекались, – улыбнулся он.

– Не могу знать, – я пожал плечами. – Я никогда не помню лиц.

– Но я бы Ваше запомнил, – учтиво ответил он. – Но рад буду находиться под Вашим командованием.

Не особо желая сейчас переходить на любезности или воспоминания о службе, я отдал несколько распоряжений, после чего занялся своими делами.

Из Плимута мы вышли 15 июня 1784 года, взяв курс строго на запад. Однако спустя четыре дня после начала нашего похода поднялся сильный противный ветер и, ввиду того, что нам негде было встать на якорь и его переждать, нам пришлось взять курс на юг, на Азорские острова. Брайан далеко не с удовольствием поддержал наше единодушное решение, но всё же через некоторое время препираний под заливающими палубу волнами, он вынужден был согласился с Робертом и отдать приказ о смене курса. Спустя три дня

шторм прекратился, и мы смогли бы продолжить наше продвижение на запад, однако в этот раз уже Говард начал убеждать Брайана продолжить курс на Азорские острова.

– Нам нужно определиться с курсом, в конце концов, – заявил он на одном из совещаний в капитанской каюте. – Ты ведь не знаешь, куда двигаться.

– У нас был курс, – возразил Брайан. – Мы могли двигаться строго на запад.

– И куда именно? – парировал Говард. – Мы, вообще-то, отошли уже от того места.

– Алан видел белый корабль, который уходил на запад, – ответил Брайан. – Мы могли бы изначально последовать за ним, пусть даже через шторм. Может, это был наш шанс найти Авалон?

– Может, – фыркнул Роберт. – Только ты ж хотел при жизни его найти. Так-то в шторм мы все могли махом на него отправиться. Потом, смотри сюда. Нас несколько дней изрядно трепало. Эт благо крупных повреждений нет. Но умнее будет осмотреть корабль перед дальнейшим походом.

Я готов был поспорить, что Брайан так и не согласился с мнением Роберта или Говарда. Я не стал влезать в разговор, так как и без того был того же мнения, что и наш боцман, и лишний раз сообщать об этом Брайану не хотелось. Более того, хоть здравый смысл мне и твердил, что я делаю правильно, соглашаясь с Робертом, почему-то мне казалось, что Брайан тоже был прав. Может, мы бы и достигли Авало-

на? Кто знает, вдруг этот остров окружён штормами? Мне доводилось бывать в таких местах, где бури не стихают годами и это в определённом плане оберегает подобные земли от вторжения извне. Может, Авалон, если он существует, представляет собой именно такое место?

Впрочем, сейчас нас занимали куда более насущные вопросы, в том числе и обучение некоторых членов команды, человек семи, владению клинковым и стрелковым оружием, за что отвечал я. И по три – четыре часа в день я честно посвящал время этому делу, обучая так называемых новобранцев всевозможным приёмам рукопашного боя, умению владеть саблей, и объясняя принципы действий при abordage как со стороны противника, так и с нашей.

– Учи их пока на клинках, – советовал Роберт. – Порох не тратьте.

– Прикажешь из рогаток? – усмехнулся я.

– Да им что мушкеты, что рогатки, – хмыкнул он.

– Сам команду набирал, – заметил я.

– Я нормальных брал. Тут частью ещё твоих два дружка, – парировал он.

– Ну, что есть, – отозвался я, чистя мушкет.

За всё время, пока мы шли к Азорским островам, Роберт не единожды проклял свою судьбу и конечности и содержание черепов тех, кого пригласил Брайан или кого позвал я, и кого он называл матроснёй.

– Бака от юта не отличают, – бурчал он, наблюдая за Лэхри

и Патриком, неумело ставившими грот-марсель на курс бакштаг. – Сейчас ещё весь такелаж пообрывают. Ну, куда вы его тянете?! – заорал он, не выдерживая. – Крепите, болваны!
Я не стал вмешиваться.

Южные моря встретили нас теплым свежим ветром и чистым безоблачным небом, с которого словно обрывались золотым потоком солнечные лучи. Отступив от своих офицерских замашек появляться перед начальством при полном параде, я, наконец, вняв подколкам и насмешкам Роберта, который не забывал дружески подшучивать надо мной, когда я не смел приблизиться к капитану, не поправив воротник и не застегнувшись на все пуговицы, выбрался на палубу без сюртука и треуголки. И впервые за всё время моих хождений по морям я вдруг понял вкус настоящей свободы. Мы не выполняли приказ, мы шли туда, куда хотели, и, даже имея строго определённые обязанности, я не обязан был соблюдать все ещё недавно казавшиеся мне такими естественными формы обращения, приветствия и прочих элементов, которые я соблюдал на службе. Это было поначалу странно. Мне, едва я ступил на борт, всё время хотелось вытянуться по струнке и, приложив руку к голове, отрапортовать Брайану, когда он приглашал меня к себе по какому-либо вопросу. Роберта это забавляло, Брайана удивляло, а я изо всех сил пытался внушить себе, что могу этого не делать. Таким образом, появиться на палубе без сюртука и ненавистного головного убора, уже было для меня достижением.

– Делаешь успехи, – Роберт со всего размаху хлопнул меня по спине. – Наконец.

– Внял совету, – отозвался я, занимаясь осмотром креп-

ления орудий.

– Тогда внемли ещё одному, – произнёс Роберт, облокотившись о фальшборт и наблюдая за моими действиями. – Скоро встанем на якорь в Вила-ду-Порту. Я там ромом запастись хочу. Дешевле, чем в Англии. Не впадай в искушение по поводу фруктов. Или заливай ромом.

– Понял, – ответил я.

Роберт ещё мгновение постоял, словно намереваясь что-то сказать, но, передумав, ушёл заниматься своими делами.

Ещё пару дней мы продолжали идти в сторону Азорских островов, увлекаемые всё тем же свежим норд-норд-остом. Я проводил на палубе почти всё время, спускаясь в трюм лишь за редким исключением или на период сна. После северных морей и ледяных ветров было невыразимо приятно прогреться в лучах тропического солнца, так что угнать меня с палубы было почти невозможно. В итоге, на подходе к Азорским островам, я свалился с солнечным ударом.

Очнулся я уже в душном трюме, в своём гамаке, притом первое, что я увидел – были взволнованное лицо Генри и ухмыляющаяся широкая морда Роберта. Скажу отдельно, что увидеть склонившегося над собой Генри и не принять себя за умершего, к которому является ангел, дабы проводить в мир иной, было сложно. Генри, белокурый и голубоглазый юнец, прозванный боцманом Херувимом, помощник нашего судового врача, был одним из самых молодых членов эки-

пажа. И я был не первым и не последним, пытавшимся произнести молитву, когда после очередного ранения или лихорадки, приходя в себя, видел над собой его лицо.

– Да, живой, живой, – произнёс Роберт, хлопнув меня по щеке. – Чего с ним станется. Полностью осознав, что морда английского питбуля никак не может соседствовать с ликом ангела в загробном мире, я окончательно понял, что ещё жив.

– Мистер Шайн, как Вы? – пробормотал Генри, укладывая мне на лоб мокрую холодную тряпку.

Генри был студентом первого курса медицинского института, продолжать учёбу в котором он не мог ввиду бедности семьи и отсутствия возможности платить за дальнейшее обучение. Но он нашёл выход заработать денег, напросившись к нашему судовому врачу, мистеру Эдмундсу, в качестве помощника. И теперь за его спиной он спешил опробовать на нас все свои врачебные штучки, которым его обучили за год. Он запихивал в нас какие-то противопростудные порошки и микстуры, смазывал щиплющей гадостью наши порезы и царапины, и иногда у него даже получалось нас вылечить. В общем, ради сохранности наших жизней и здоровья мы пытались не попадаться ему на глаза лишний раз.

– Нормально, – пробормотал я сквозь тошноту. – А что случилось?

– На солнышке перегрелся, – ответил Роберт. – Ты тут два дня чего-то бормотал в горячке. Вдруг замолчал. Мы уж

думали, ты помер, а ты ожил.

– Не дождётесь, – хмыкнул я. Роберт осклабился.

– Ты мне вот, что скажи. На югах бывал?

– Никак нет, – ответил я. – Только северные моря.

– Понятно, – протянул Роберт, отодвигаясь от моего гамака. – Теперь будешь знать, что солнце здесь немного другое.

– Уже заметил, – отозвался я, переводя взгляд на соседние гамаки. Ещё в трёх лежали другие члены нашего экипажа: Итан, Тоби и Мэдок. Рядом с последним стоял мистер Эдмундс, пытаясь залить ему в рот какую-то микстуру, от которой тот отчаянно отплёвывался.

– А с этими что? – спросил я. Роберт расплылся в улыбке, сверкнув парой золотых зубов.

– Впали в искушение, – протянул он. – Лады, выздоравливай, – снова похлопал он меня по щеке напоследок.

На следующий день я уже поднялся на палубу. Подойдя к Брайану и убедив его, что я в полном порядке, я изъявил своё желание сойти на берег, чтобы помочь Роберту в приобретении рома. Брайан согласился с какой-то опаской, однако сильно возражать не стал. Едва я вышел из его каюты, как мне на голову тотчас шлёпнулся мокрый платок, и надо мной прозвучал насмешливый голос Роберта:

– Дарю!

– Спасибо, – отозвался я, завязывая платок.

– Да, Звездочёт, – протянул Роберт. – Сдаётся мне, в случае затяжного шторма ты первым отдашь концы.

– Тогда у вас будет фунтов сто пятьдесят свежего мяса, – ответил я.

– Скорее, сушёного, – хмыкнул Роберт. – А если серьёзно, Ал, чтоб я тебя без головного убора на палубе не видел. Это тебе как твой боцман говорю. Ты нам ещё живым нужен.

– Так точно, – отозвался я.

И этот приказ я уже не смел нарушить.

Наверно, я никогда не забуду своего первого впечатления от южных стран. В первую очередь бросалось в глаза обилие рынков, прилавков со всевозможными видами товаров, начиная местными фруктами и вином, и заканчивая ценностями и шелками востока и какими-то диковинками из глубин Африки. Я видел немало торговых городов, но северные рынки резко отличались от южных, где помимо бесконечных прилавков также бесконечно звучали голоса торговцев с призывом купить что-либо именно с его прилавка. Бесконечные крики, ругань, перебранки, смех – всё это заполняло собой спёртый знойный воздух, в котором смешивались запахи пряностей, иссушенной листвы, соли и тошнотворный аромат гнилых фруктов, наполнявших собой мелкие сточные канавы.

Вообще, за те пару дней, за которые я успел пройтись по этому городу, у меня сложилось впечатление, что его жители заняты, за малым исключением, работавшим на полях и в садах, только тем, как продать друг другу свой то-

вар с извлечением хоть какой-то выгоды. Добавить к этому ещё несколько десятков таверн и кабаков, по большей части, не имевших стен и обходившихся лишь навесами, и в которых запах гнилья смешивался с запахом пота и перегара, и можно представить все прелести южных городов, которые я сполна успел ощутить за эти дни.

Другое дело – Роберт. Он уже не в первый раз бывал в подобных местах и потому знал все тонкости местных рынков. Каким образом ему удавалось найти того, кто мог бы продать приличный товар за разумную цену, с кем можно было договориться о погрузке этого товара, как всё это доставить – для меня это было непостижимо. Однако Роберт умел так договориться, что торговцы, способные обмануть кого угодно, ещё и оставались ему должны. Я не переставал удивляться, откуда он знает, с какого конца рынка стоит заходить, сколько прилавков нужно пропустить прежде, чем заговорить с тем или иным торговцем. Но итог был один – вскоре, помимо запасов пресной воды, в нашем трюме расположились пять бочонков рому по десять галлонов каждый. Другие пять бочонков по шести галлонов были заполнены смесью из сушёных фруктов с ромом. Это уже было сделано по настоянию мистера Эдмундса, как средство от цинги. И мы искренне сожалели, что эта настойка выдавалась нам в малых дозах только во время обеда, а не плескалась в наших флягах постоянно, в отличие от чистого рома.

Глава шестая. Голос моря

Из Вила-ду-Порту мы вышли первого августа и взяли курс на запад-юго-запад, однако когда мы достигли тридцать второй широты, мы легли на курс строго на запад и, по настоянию Говарда, не меняли его до самих Бермудских островов.

За всю мою жизнь я не переставал удивляться людям, которые умели так упорно добиваться того, чтобы получить по морде. И это не зависело от сословия, звания, уровня жизни, положения и каких-то ещё условий. Проблема была лишь в том, что иногда их положение могло оказаться слишком влиятельным, чтобы каждый встречный имел право исполнить их желание. Таков был Говард.

Видимо, задавшись целью превратить мою жизнь в ад, он не переставал по нескольку раз в день напоминать Брайану, что я дезертир и валлиец.

– И всё же, я настаиваю, что мистер Шайн должен покинуть наш корабль, как только мы доберёмся до Бермудских островов, – заявлял он почти каждый раз, когда я попадал в поле его зрения. – Он обязан предстать перед правосудием.

Брайан чаще всего отмалчивался, или отмахивался, Роберт начинал скрипеть зубами, а мне просто хотелось убить его.

– Ал, ты б харю ему подправил, – как-то фыркнул Роберт. – Тебя не достало?

– Есть такое, – ответил я, кидая нож в прикреплённую к штирборту под шканцами мишень. Я только что закончил тренировки с нашей командой и теперь позволил себе посвятить время оттачиванию данного навыка. Говард и Брайан в этот момент стояли на шканцах. Брайан о чём-то негромко говорил с Томми, одним из наших рулевых, а Говард, заметив меня, затанул свою обычную песню.

– Так, разобрался бы, – произнёс Роберт.

– Чтоб я с идиотом связывался? – отозвался я, кидая нож в середину мишени.

– Ну, так, со мной связался, – заметил Эмеш, наблюдавший за моими действиями и натачивающий саблю.

– Я ж сказал, с идиотами, – уточнил я, прекрасно понимая, какими могут быть последствия вероятностной стычки.

– Да, не бойсь, – небрежно произнёс Роберт, словно угадывая мои мысли. – Прикроем.

Я глянул на Роберта. Обычно боцман должен был следить за порядком на корабле и, как раз, пресекать любые драки и споры. И я прекрасно помнил, как и по моей спине однажды прошлись кошки, когда мы с одним из сослуживцев учинили драку. Больше я не смел участвовать в разборках, находясь на палубе, особенно в присутствии начальства. На суше, конечно, были другие законы. Но теперь я получал позволение от самого боцмана.

– Ты это как представляешь? – спросил я, глядя на Говарда.

– Да, как угодно, – отозвался Роберт. – Ему никто не возражает потому, что боятся. Дашь отпор – осмелеют.

– А Брайан?

– Что – Брайан? Не может заткнуть своего родственника – пусть наблюдает, как это сделают другие.

Я не ответил, снова взглянув на Говарда. Мистер Кирксвуд довольно открыто заявлял, что любой валлиец только и ждёт, как бы причинить вред Британской короне.

– Он тебя при первой же возможности предаст, – говорил он. – Ещё к пиратам перекинется, не дай Бог.

– Говард, прекрати, – спокойно произнёс Брайан.

– Что прекрати? Я тебя уверяю...

Это больше был уже азарт, чем озлобленность. Не дав докончить ему фразу, я резко развернулся и кинул нож в его сторону. Оружие, пронзив треуголку англичанина, вонзилось в стенку юта. Говард замер, даже не успев закрыть рот.

– Простите, сэр, – произнёс я, чувствуя, что расплываюсь в наглой улыбке. – Смазал.

Я услышал, как Роберт кашлянул. Кто-то из команды, кто находился на палубе, оторвались от своих дел и теперь наблюдали за происходящим. Я продолжал смотреть на Говарда, улыбаясь и понимая, что так он это не оставит.

– Мистер Шайн, – Говард направился к трапу и начал медленно спускаться со шканцев. – Полагаю, Вы понимаете, что Ваши неправомерные действия в отношении английского лорда и офицера выше Вас по званию, могут, в лучшем

случае, привести к окончанию Вашей карьеры офицера Королевского флота.

– Я прошу прощения, сэр, – отозвался я. – Я же сказал, я всего лишь смазал.

– И куда же Вы целились, в таком случае? – спросил он.

Я окинул взглядом его фигуру.

– Фута на три ниже, сэр, – ответил я. Роберт за моей спиной прыснул, среди команды послышался смешок. Говард уничижительно посмотрел на меня.

– Я оценил Ваше топорное чувство юмора, – произнёс он. – Вы что, смеете бросать мне вызов?

– Вы смеете его принять, сэр? – спросил я, инстинктивно переходя в стойку.

Говард не ответил, переводя взгляд на команду, теперь почти полностью собравшуюся на шкафуте. Похоже, они ожидали развязки. Говард посмотрел на шканцы. Даже Томми, оторвавшись от компаса, с любопытством смотрел в нашу сторону. Брайан, вскинув бровь, посмотрел на Говарда и развёл руками, словно говоря: «А чего ты ожидал?». Меня же удивило то, что он не был намерен вмешиваться. И в этот момент я почувствовал за своей спиной какую-то надёжную невероятную силу. За столь короткое время команда, как оказалось, уже успела принять мою сторону и теперь собралась здесь, чтобы поддержать меня. Это не могло не ободрить.

Говард снова перевёл взгляд на меня.

– Раз уж это дуэль, мистер Шайн, позвольте мне взять мою саблю.

– Зачем? – отозвался я, чувствуя, насколько приятно было хоть что-то съязвить своему обидчику. – У Вас, сэр, язык поострее будет.

Среди команды прокатился уже неприкрытый хохот. Говард презрительно хмыкнул.

– Конечно, мистер Шайн, как я мог забыть. Вы – выходец из валлийских рыбаков. Вам не пресстало использовать благородное оружие.

– Я не намерен Вас убивать, сэр, – ответил я.

– Вы слишком самоуверенны для дезертира... – я не стал дослушивать, сходу нанеся ему удар правой в челюсть. Говард чавкнул и попятился. Я вернулся в исходную стойку, ожидая ответа. Говард не заставил себя долго ждать. Встряхнув головой, он перешёл в нападение. Я увернулся, едва не пропустив удар в солнечное сплетение, и тотчас оказался у него за спиной. Говард развернулся, пытаясь нанести мне хук правой. Я ушёл от удара, заставив его, тем самым, перейти в наступление. Говард сделал отвлекающее движение левой, после чего попробовал провести прямой удар правой. Этого я и ждал. Уклонившись вправо, я сделал шаг вперёд, пойдя на сближение, и нанёс ему удар локтем левой в челюсть. Это был мой коронный удар, который позволял ментально вырубить или убить противника в рукопашной схватке. Здесь главное было не бояться подпустить его к себе

на близкое расстояние. Когда-то, заметив особенности моего ведения боя, наш бывший боцман, мистер Кинкли сказал, что в любой драке моя леворукость будет преимуществом. И я этим преимуществом пользовался.

Говард пошатнулся, после чего, слепо замахнувшись, повалился на ступени трапа, рядом с которым мы бились. Я остановился, готовый в любой момент продолжить бой, однако Говард, видимо, решил прекратить поединок.

– Идите все к чёрту, – пробормотал он, сплёвывая кровь и поднимаясь на шканцы на четвереньках.

– О, как лорды заговорили, – хмыкнул кто-то у меня за спиной.

– Мистер Кирксвуд, – Роберт подошёл к Говарду, чтобы помочь ему подняться. – Сэр, что ж Вы так неосторожно по трапу ходите? За леера придерживаться надо.

Его слова были встречены взрывом смеха, после чего на меня со всех сторон посыпались поздравления и одобрительные возгласы. Говард отмахнулся от помощи Роберта, после чего, опираясь на руку Брайана, поплёлся в каюту. Сквозь все поздравления и рукопожатия я успел заметить насмешливо-укоризненный взгляд Брайана, брошенный на нашего боцмана. Роберт в ответ только расплылся в нагловатой улыбке, сверкая золотыми зубами.

Третьего сентября мы всё так же продолжали идти к Бермудским островам. В тот день мы с Брайаном стояли

на шканцах у штирборта, как раз над тем местом, где мы бились с Говардом.

– Извиняюсь за свою выходку, – произнёс я, когда Брайан упомянул о состоянии Говарда. Наш старпом за всё это время почти не выходил из каюты, жалуясь на головную боль и боль в челюсти. Затаил ли он какую-то злобу на меня? Я не сомневался. И порой триумф победы сменялся для меня отдалённой тревогой относительно того, что могло бы ждать меня в будущем с его лёгкой подачи. Да, я мог, разукрасить ему лицо, я мог победить его в драке и радоваться этому, но, по сути, кем я был против него в обществе, где всё решало положение, имя и деньги? На каком суде стали бы выслушивать защиту какого-то валлийца, бывшего офицера, которого считали дезертиром и который, к тому же, устроил драку на корабле с английским почти лордом? Меня бы повесили не задумываясь. А Говарду этого не сложно было бы добиться. Таким образом, я не посмел бы сойти на берег ни одной из английских колоний.

– Я всё понимаю, – кивнул Брайан. – Я сам на твоей стороне. Но, ты же понимаешь, что данное событие может за собой повлечь.

– Так точно, – отозвался я.

– Я разговаривал с ним, – продолжал Брайан. – Определённого он ничего не сказал, но я более чем уверен, что он не будет молчать.

– И что мне делать?

– Не знаю, – отозвался Брайан, глядя в бесконечную даль моря. – Если б ты хоть на саблях сражаться предложил...

– Я не собирался его убивать, – ответил я.

Брайан перевёл взгляд на меня.

– Говард один из лучших фехтовальщиков, – заметил он, словно пытаясь умерить мою самоуверенность.

– Но я б тогда на смерть бился, – ответил я. – По чести было б его зарубить?

– И ты, правда, этого не хотел? – спросил Брайан.

– Никак нет, – ответил я, чувствуя раздражение. – Хотя мог.

– Я это видел, – невозмутимо произнёс Брайан. – Алан, я не могу тебе что-то говорить. Говард, конечно, не был прав с самого начала. Но он не оставит этого. Даже если вся команда заступится за тебя во главе с Робертом. Поэтому, когда прибудем на Бермуды, не сходи на берег.

– Так точно, сэр, – отозвался я, переводя взгляд на пенящуюся за бортом воду.

Это была моя первая ошибка в этом походе и мне бы очень не хотелось совершать дальнейшие. Тем более те, что могли увенчаться столь сомнительным триумфом. Я на мгновение представил, что могло бы меня ждать, если Говард заявит о случившемся. Вряд ли Брайану удастся отстоять мою свободу или жизнь. И стоило ли поддаваться своей вечно просящейся в драку натуре, чтобы обречь себя на подобное заточение. Да, на мне не было кандалов, но свободнее я себя

от того не чувствовал. И, что, если Говард сдаст меня властям в порту, куда сейчас мы направлялись?

Внезапно я почувствовал начинавший пробираться меня необъяснимый необоснованный страх. Говард выдаст меня. Заключение и позорной казни на потеху или в наставление толпе мне не избежать. Может, стоило остаться в Ирландии? Может, стоит выпрыгнуть за борт и поплыть куда глаза глядят? Хоть в пасть морскому чудовищу, скрытое присутствие которого уже начало рисовать моё воображение. Я перевёл взгляд на чистый далёкий горизонт. Что-то было не так. Затухающей частью разумного сознания я понимал, что близок к панике, причины для которой просто не было. Голову начала сдавливать невыносимая боль. Я вцепился в леера, пытаясь сосредоточиться. Я ни разу не впадал в панику, даже среди битвы, даже если мы не могли победить. Я всегда сохранял трезвость мысли во время штормов, каким бы жестокими они ни были. Что происходило сейчас? Эта неизвестность только добавляла ужаса.

Я взглянул на Брайана. Он стоял, также вцепившись в леера, бледный, напряжённо всматриваясь вдаль. Я был более чем уверен, что он сейчас, также как и я готов был выпрыгнуть за борт. Я перевёл взгляд на шкафут, только сейчас замечая какое-то смятение среди нашей команды. Кто-то стоял на коленях, беспрестанно крестясь и бормоча молитвы, кто-то бегал от борта к борту, с обезумевшим взглядом и словно не замечая перед собой ничего. Нет, проблема была

не со мной одним. Но что это было?

Страх начинал усиливаться, карабкаясь от бешено стучащего сердца к горлу и лишая дыхания. Сознание отказывалось повиноваться, вызывая в безудержном воображении ужасные невиданные образы чудовищ, жаждущих растерзать каждого, кто находился на корабле.

Я закрыл глаза, пытаюсь задержать дыхание. Нет, когда-то это уже было. Лет десять назад, когда экипажи сразу трёх кораблей, на одном из которых был и я, вдруг почувствовали такой же неудержимый беспричинный страх. Кто-то бросился в воду, кого-то потом нашли мёртвым на палубе или в трюме, кто-то даже тронулся умом. Одно я прекрасно помнил. Когда сошла волна ужаса, и мы пытались понять, что произошло, на корабли налетел жестокий шторм. Был ли это ужас предвестником шторма? Кто-то говорил, что подобное иногда происходит. Притом, шторм может находиться в нескольких десятках миль от этого места и даже пройти стороной, но от этого он не становится милосерднее, убивая на расстоянии, и его жертва всё равно находит пристанище в морской пучине.

Я снова перевёл взгляд на Брайана, осознавая, что прошло не больше секунды. Показалось мне, или нет, но он дёрнулся, чтобы прыгнуть за борт. Не медля и почти уже сам не помня себя от ужаса, я схватил его за сюртук и повалил на палубу.

– Не смей! – крикнул я.

– От борта отошли! – послышался громогласный рёв Ро-

берта.

В этот же миг дверь юта открылась, и на шканцах появился Говард. Судя по его обезумевшему взгляду, было понятно, что постигшая нас участь не миновала и его.

– Что.. что это... – бормотал он, бросаясь к борту, от которого я только что оттащил Брайана, теперь без чувств лежавшего под штурвалом.

– Стой! – крикнул произнёс я, пытаясь подняться. Любое движение давалось с трудом. Я почти на четвереньках бросился за Говардом, однако моя рука уже схватила пустоту. Я поднялся, намереваясь крикнуть «Человек за бортом!», но открывшаяся картина заставила меня замереть. Вместо моря перед моим взором простирались бескрайние луга, поросшие высокой колыхавшейся на ветру зелёной травой. Я стоял, не понимая, что происходит и тупо глядя на равнину. Словно откуда-то издалека до меня донёсся голос Роберта. Но о чём он говорил, я уже не мог разобрать. В следующий миг в груди словно что-то оборвалось и, похоже, я потерял сознание.

Очнулся я, почувствовав, что по лицу меня хлещут струи дождя. Я открыл глаза. Патрик, Пип, Сэнди и Уолтон убирали крьюсель. Роберт отдавал распоряжение отдать шкоты грот-марселя. Я поднялся, чтобы присоединиться к Эмешу и Нэвилю, выполнявшим команду.

– Живой? – спросил Эмеш.

– Так точно, – пробормотал я, глядя на остальных членов

команды, без чувств лежавших на палубе. – Что происходит?

– Пытаемся обойти шторм, – ответил Роберт. – Но, по ходу, не обойдём.

Я перевёл взгляд на волнующееся море. Ветер был сильным, хотя и переходящим в свежий. Но Роберт, всё равно, распорядился убрать марсели и теперь приказал отдать шкоты фока и грота.

– Дрейф? Может, не обязательно? – спросил я.

– У руля сможешь встать? – мрачно спросил он. Я кивнул.

– Тогда к штурвалу, – приказал он. Я повиновался, предварительно оттащив всё ещё не пришедшего в себя, но дышащего Брайана в сторону. Стэнли, наш второй рулевой, также лежал неподалёку, уже придя в себя, но, видимо, не имея сил подняться.

Я взял 11 румбов к ветру, сверяясь с компасом.

– Марсели отдать! – слышался приказ Роберта. Эмеш и Нэвиль поспешили выполнить команду. Роберт поднялся ко мне.

– Тот живой? – спросил он, кивнув в сторону Стэнли и наклонившись к Брайану.

– Так точно, – отозвался я, не переставая следить за курсом. Волнение начинало стихать, корабль шёл уверенно. Я перевёл взгляд на Роберта, пытавшегося привести Брайана в чувство.

– Эй, Чибис! – крикнул он находившемуся рядом Патрику. – Мистера Эдмундса сюда!

– Он ещё не пришёл в себя, – отозвался Патрик.

– Значит, Херувима тащи! – рявкнул Роберт.

Патрик, не смея спорить, соскочил на шкафут, чтобы позвать ещё только приходившего в себя Генри. Я продолжал следить за курсом, пока ко мне не подошёл Стэнли.

– Мистер Шайн, позвольте, – негромко произнёс он. – Вы правите, как пушкой перед выстрелом.

Усмехнувшись, я легко уступил место у штурвала и подошёл к Брайану.

– Долго он, – пробормотал Роберт, хлопая его по щекам.

– Главное, дышит, – заметил я. – Может, утащим его в каюту?

Роберт согласно кивнул.

Мы унесли Брайана, после чего отдав его на милость уже очнувшегося мистера Эдмундса и Генри, снова вышли на палубу.

– Чего это было? – мрачно спросил Роберт, окинув палубу взглядом и, видимо, убеждаясь, что всё в порядке.

– Бывает перед штормом, – ответил я. – Зов морей.

– Слышал о таком, но не сталкивался, – произнёс он.

– Мне как-то пришлось, – ответил я. – Почти треть команды выпрыгнула за борт. Наверно, тоже зелёный луг видели.

– И ты видел?

– Сегодня – да, – кивнул я, вспоминая причину, по которой я подошёл к борту после того, как оттянул Брайана. – А с Говардом что? – вдруг вспомнил я.

– Уже никто не узнает, – ответил Роберт. – Ты за ним неплохо рванул, но, хорошо, что не прыгнул.

– Там был луг, – ответил я.

Отвратительным было это чувство. Я хотел убить Говарда за его слова, а теперь чувствовал себя виновным в том, что не успел его спасти. Не думаю, что он был бы мне особо благодарен, успею я, но моя совесть всё равно не была чиста. И пусть все могли быть свидетелями и подтвердить, что Говард спрыгнул сам. Я не мог отрицать, что в тот момент, даже кинувшись за ним, желал его смерти.

Глава седьмая. Нежеланная и желанная встречи

В порту Сент-Джорджа мы встали на якорь 6 сентября 1784 года для пополнения запасов воды и провизии. Через десять дней, то есть, 16 сентября 1784 года мы вышли из порта и взяли курс строго на юг, чтобы пройти вдоль Южной Америки. Но из-за поднявшегося через три дня противного очень крепкого ветра, вскоре перешедшего в шторм, мы были вынуждены сменить курс и, при максимально уменьшенной парусности, двигаться вдоль Багамских островов в сторону Ямайки.

– Рому доберём, – успокаивал Брайана Роберт, пока ещё шесть дней мы боролись со штормом.

– Меня не ром волнует, – ответил Брайан. – А пираты. Роберт хмыкнул.

– Какой пират тут будет ошиваться? Да в такой шторм. Их тут ещё с начала века, вон, Звездочётовы сослуживцы разогнали⁷...

В этот миг дверь каюты открылась, и в проёме появился Лесли.

---

⁷ Багамы были пристанищем пиратов в начале 18 века. Начиная с середины этого же века Англия ужесточила меры относительно морских разбойников и к концу 18 века пиратских оплотов на Багамах почти не осталось.

– Мистер Хорнби, – произнёс он, переводя дыхание. – Там корабль за нами! Без флага!

На какое-то мгновение нас словно парализовало. В следующий миг мы, не сговариваясь, выбежали на палубу полуюта.

За нами, на расстоянии, примерно, полумили, следовал четырёхмачтовый бриг без флага.

– Что б его... – фыркнул Роберт, не сводя пристального взгляда с преследовавшего нас судна.

– Может, получится на переговоры? – негромко произнёс Брайан.

– Не получится, – отозвался Роберт. – Рулевой! – крикнул он Томми. – Право руля!

Томми заложил штурвал вправо.

– Там рифы могут быть! – крикнул он, пока «Северная Звезда» медленно выполняла поворот.

– Я в курсе, что могут! – рявкнул Роберт. – Рынду сюда! Пусть пролоцманит!

Лэхри, получивший прозвище «Рында» за то, что как-то ночью в порту, перебрав чуток, врезался лбом в одноимённый корабельный колокол, появился с лотом менее чем через полминуты.

И только сейчас, сквозь мрак вздымающихся волн, я заметил тянущуюся по штирборту песчано-каменистую косу, вдоль которой мы шли. Это было слишком рискованно. Тем более, если пираты были из этих мест, они должны были

знать этот берег лучше, чем мы. Я взглянул на Роберта. Он казался слишком уверенным.

– Сколько? – крикнул он Лэхри.

– Тридцать два! – отозвался наш лотовый.

– Держи правее! – скомандовал Роберт рулевому. Томми беспрекословно выполнил приказ.

Я снова оглянулся. Пиратский бриг настигал нас.

– Надо отдать приказ к бою! – крикнул я.

– Нет, – Роберт отмахнулся, не глядя на меня. – Рында?!

– Двадцать шесть! – крикнул Лэхри.

– Лево руля! – скомандовал Роберт. – Держать прямо!

Томми вцепился в штурвал. Роберт напряжённо следил за береговой линией.

– Двадцать! – крикнул Лэхри. Роберт не ответил.

– Четырнадцать! – снова донёсся голос нашего лотового.

– Держать штурвал! – только приказал Роберт.

Я схватился за леера при очередном вале, ударившим в бакборт. Создавалось впечатление, что Роберт знал это место и теперь пытался завести наших противников на мель.

Я снова оглянулся. Пиратский бриг был уже на расстоянии ружейного выстрела.

– Надо готовить оборону! – крикнул я Роберту.

– Рында! – вместо ответа крикнул Роберт.

– Шесть с половиной! – донёсся голос Лэхри.

– Роб! – крикнул я, чувствуя накатывающее раздражение и держа наготове револьвер. Роберт отмахнулся. Над наши-

ми головами просвистели первые пули. Я отдал приказ к орудиям. Нэвиль, Шеймус, Патрик и Эмеш поспешили на шкафут, готовясь к перестрелке.

– Четыре! – крикнул Лэхри.

– Лево руля! – проорал Роберт.

Томми резко заложил штурвал влево. «Северная Звезда» вздрогнула, дав крен на бакборт. При сниженной парусности мы были довольно лёгкой добычей. Зато, хоть и при полных парусах, наши преследователи уступали нам в манёвренности. Видимо, на это и уповал Роберт.

«Северную Звезду» отбросило от берега, вдоль которого уже выстроились зубья каменистых отрогов, над которыми бурлила молочно-белёсая вода.

На какое-то время мы оказались повёрнуты бакбортом к преследовавшему нас противнику. В следующее мгновение шум ветра в полощущихся парусах и глухую дробь ливня, заливавшего палубу, пронзил свист летящего ядра. Я не видел вспышки на баке, но вряд ли бы пираты были способны произвести этот выстрел из бортовых орудий. Под таким углом стрелять можно было только с бака. И наше счастье, что это была малокалиберная пушка. Снаряд пробил борт немногим выше ватерлинии. Но и этого было достаточно, чтобы при таком волнении трюм начало заливать.

– Залатать пробоину! – приказал Роберт. Итан и Сэнди поспешили в трюм.

– Орудия к бою! – скомандовал я. Роберт уже не возра-

жал. – Огонь!

Мы дали залп из одной двадцати-четырёх и двух двенадцатифунтовых орудий. Тут же с пиратского корабля пришёл ответный ружейный залп.

– Стрелять по готовности! – приказал я, укрываясь за фальшбортом, перезаряжая револьвер и наблюдая за действиями Нэвиля, и ещё шести членов нашего экипажа, занятых пушками. План Роберта, конечно, был хорош, но прежде чем пиратский корабль успел бы или развернуться, или налететь на рифы, часть нашей команды всё равно угодила бы под огонь.

Выпущенный по прямой наводке разрывной снаряд попал ниже ватерлинии судна противника. «Белая Акула», как я успел разглядеть название корабля, судорожно дрогнула, но не сбавила скорости. Напротив, она довольно резко попыталась совершить левый поворот, уходя от рифов. Но для этого противнику было необходимо повернуть фока, грот и марсели.

Пользуясь тем, что нам открылся бакборт противника, я отдал Нэвилю приказ зарядить разрывной снаряд и произвести выстрел, взяв ниже ватерлинии, левее от примерно-го окончания кватердека судна противника, так как именно в этой части трюма могли храниться основные запасы пороха. Сам же, увидев, что пиратам довольно быстро удаётся выполнять разворот, я взял на себя роль стрелка, призвав к этому и Стэнли.

Видимость осложнялась темнотой, ливнем и хлопьями разлетавшейся над волнами пены. А если кто когда-то и вёл перестрелку с одного раскачивающегося на волнах корабля по другому, также раскачиваемому волнами, тот подтвердит мои слова, что любая пуля, как попавшая в кого-либо, так и пролетевшая мимо – это просто случайность, но случайность, иногда попадающая в цель.

Не знаю, считала это моя судьба везением, или это были такие её шутки, но она ещё ни разу не оставляла меня без ранений. Ни один бой или пьяная заваруха с применением стрелкового оружия не оканчивались для меня без огнестрельного ранения той или иной тяжести, будь это сквозная рана в животе или незначительная царапина на руке. Иногда мне казалось, что, если бы я стоял в толпе и кто-то наугад решил бы в эту толпу выстрелить, он, безоговорочно, попал бы в меня. И потому, отправляя очередную пулю на борт противника, я уже, где-то в глубине сознания, был готов к тому, что случилось после.

Я сумел подстрелить двоих пиратов, производивших работу с такелажем. Ещё с тремя справился Стэнли.

– Орудия готовы! – крикнул Нэвиль.

– Расчёты от орудий! – скомандовал я. – Огонь!

На миг, оторвавшись от перестрелки, я успел заметить вспышку от снаряда, разорвавшегося в трюме противника, успел увидеть, как полыхнул подобно брандеру пиратский корабль. А затем боль, как от мощного удара пронзила ви-

сок и я почувствовал, как моё тело безвольно переваливается за фальшборт, а затем мир начал смыкаться надо мной подобно ревушей пучине, в которую я проваливался.

Когда я очнулся, в первое мгновение мне показалось, что я лишился зрения. Лишь повернув голову и увидев где-то вдали какое-то светлое пятно, я понял, что просто нахожусь в тёмном помещении. И если я всё ещё оставался на земле живых, это значило, что кто-то из команды должен был спасти меня. Только, если я нахожусь в пещере, а это была именно пещера, и я спасён кем-то из команды, это, в свою очередь означает, что нам пришлось совершить высадку. Ну, да, наш корабль получил пробоину. Её надо залатать. А пираты? Было бы неразумно высаживаться на этот остров, зная, что здесь может находиться твой противник. Да и с тем повреждением мы б смогли, при малой парусности, дойти до какого-нибудь соседнего острова. А может, это и есть другой остров? Тогда вопрос – зачем выносить меня на берег? Может, что-то пошло не так?

Я попытался приподняться, всё ещё ощущая головокружение. Вдобавок я почувствовал, что с виска по правой щеке у меня течёт кровь, к которой налипли просоленные волосы. Странно, что ни мистер Эдмундс, ни Генри не позаботились о том, чтобы обработать мне рану.

Я приподнялся на руках, как вдруг откуда-то из темноты донёсся грубый голос.

– Что, очухался?

Я вздрогнул, повернувшись в сторону источника звука и с трудом различая в темноте силуэт человека. Голос его был мне незнаком. В моё спутанное сознание начало проникать понимание того, что я могу находиться и не среди нашей команды.

– Где я? – задал я вопрос.

– Где надо, – бросил незнакомец.

Я сел, прислонившись спиной к известняковой стене пещеры, всё ещё чувствуя сильное головокружение и понимая, что разговора с этим человеком не получится. Что ж, по крайней мере, хоть какую-то ясность из имеющегося положения я мог извлечь. Скорее всего, это – один из тех пиратов, что преследовали нас и здесь я нахожусь явно не в роли почётного гостя. Я перевёл взгляд на пирата. Это был довольно крупный человек и, вдобавок, вооружённый, так что, не смотря на отсутствие страха, я решил проявить благоразумие и не предпринимать попыток к бегству. Ещё неизвестно, что с нашей командой случилось и что может зависеть от моих действий. А, может, я, вообще, один в живых остался.

Не знаю, что притупляло мой страх – спутанность ещё только возвращающегося сознания или привычка сталкиваться с опасностью, но я не чувствовал ни ужаса своего положения, ни переживания о своей дальнейшей судьбе. Я только спросил:

– Что вам нужно от меня?

– Я те чё, обезьяна пороховая перед тобой отчитываться? – фыркнул пират. – Капитан захочет – изъяснит. Сиди и помалкивай.

Я усмехнулся.

– Можно подумать, я вам так сильно живым нужен, – ответил я.

– Ты заткнёшься, или как? – пират поднялся. – Или мне тебе кляп в пасть запихнуть?

– Молчу, – отозвался я.

В этот же миг у входа в пещеру послышались шаги.

– Эй, Анемон, чё за болтовня с этим? – голос вошедшего мало отличался от голоса его товарища.

– Очухался, начал вопросы задавать, – ответил «Анемон».

– Давай его к Чернокнижнику, – приказал вошедший, бросив моему охраннику верёвку.

Я не сопротивлялся, когда мне связали за спиной руки и повели к выходу из пещеры. На сопротивление сейчас не было ни сил, ни возможности. Да и хотелось подробнее вникнуть в ситуацию.

Я на миг зажмурился, когда мы вышли из пещеры и яркий солнечный свет резанул мне по глазам. Тут же послышался чей-то голос:

– Сюда его!

Меня подвели к сидевшему на камне человеку, по всей видимости, капитану и поставили на колени. Если бы я встре-

тился с этим человеком в городе, я бы вряд ли догадался с первого раза, что этот человек – пират. Его можно было бы принять, скорее, за какого-то очень богатого предпринимателя, заработавшего своё состояние посредством честного труда, но никак не грабежа. В его взгляде не было того прожжённого выражения наглости и желания наживы. Напротив, этот взгляд выражал ум и рассудительность.

Он был гладко выбрит, и только небольшая бородка, аккуратно подстриженная и расчёсанная, скрывала форму его подбородка. Одет он тоже был не так, как прочий сброд, окружавший его. На нём была почти новая одежда, которая больше пристала бы аристократу, нежели морскому разбойнику. На кожаной чёрной треуголке поблёскивала золотом небольшая пряжка. На пальцах, явно не привыкших к грязной работе, сверкали перстни. Всё это казалось странным. И относительно знакомым.

Я вспомнил, как однажды, недалеко от берегов Испании, мы напали на пиратский след, но, когда мы поравнялись с кораблём, капитан запросил переговоры. Как оказалось, при нём была каперская грамота, позволявшая ему совершать рейды на любые суда, не принадлежавшие Англии. Мы вынуждены были отступить, хотя каждый из нас прекрасно знал, что экипаж этого корабля совершал нападения и на торговые английские суда. Имя корабля было – «Белая Акула». Имя капитана – Оливер Джеймс Мартин Робертсон – некогда студент Королевской академии наук, в даль-

нейшем – научный сотрудник, астроном, знавший о звёздах больше, чем сам космос. За многие знания его и прозвали Чернокнижником.

Впрочем, как оказалось, грубость этому человеку тоже не была чужда. Едва я оказался перед ним на коленях, тотчас же у моего горла появился клинок – клинок, знакомый до боли, ибо это была моя сабля. Впрочем, как и ножны, теперь висевшие на поясе у Оливера. – И кто же Вы такой, – протянул он, глядя на меня.

– Очередной Саблезуб, – слышалось над моей головой.

– Да, я заметил, – всё в такой же спокойной манере продолжал Оливер. – Так, кто Вы, сэр? – снова обратился он ко мне.

– Капитан-лейтенант Алан Джозеф Шайн, – ответил я. – Но, думаю, моё имя тебе ничего не скажет.

– Шайн, – повторил он. – Возможно. Хотя не часто такую фамилию встретишь. Это прозвище или просто привязки какой-то требует?

– Не могу знать, – отозвался я. – Чего тебе надо?

– Мистер Шайн, я бы на Вашем месте проявлял больше уважения к тем, от кого зависит Ваша жизнь, – ответил Оливер, всё же, убирая мою саблю от моего горла. – Я отвечу Вам, – продолжал он в той же неторопливой манере. – Ваш корабль пострадал намного меньше, чем наш. Его нужно только подлатать и он сможет дальше идти по водным просторам. Но нам его без боя не заполучить. А Вы, по всей

видимости, своим соратникам нужны. Они уже искали Вас. Так что, думаю, они согласятся обменять корабль на Вашу жизнь.

Я помотал головой.

– Капитан не сумасшедший, – ответил я. – Корабль на меня он не обменяет. Так что можешь меня убить и не тратить время.

– Я другого мнения об этом, – спокойно возразил он. – Брайан – неопытный и жалостливый человек. Думаю, он и Вас пожалеет. Тем более что он верит в благородство больше, чем в здравый смысл.

Я замер.

– Откуда ты знаешь Брайана? – спросил я.

– А это уже не Ваше дело, мистер Шайн, откуда я знаю Брайана Эдварда Мэтью Уинстона Хорнби, – ответил Оливер. – Я вот, что хочу сказать. Выбора у Вас большого не останется. Так что, решайте как можно скорее. Я могу обменять Вас на корабль, и Вы будете обречены и останетесь со своими друзьями умирать на этом острове от голода, либо вступите в ряды моей команды и поможете мне отбить корабль. Вы военный, а я ценю таких людей, как Вы. В отличие от этих мужланов, которыми приходится управлять, вы умеете поступать разумно, а это многого стоит.

– Сколько б это ни стоило, я не соглашусь, – ответил я. – И Брайан не отдаст тебе корабль. Он не станет жертвовать командой ради одного человека.

– Вы не знаете его, – снисходительно улыбнулся Оливер. – И не спешите отказываться, мистер Шайн. Может, стать пиратом – это лучшее, что Вам может предложить судьба, – он перевёл взгляд на кого-то, кто стоял позади меня. – Мистер Саблезуб, отведите этого человека в пещеру. Пусть он немного подумает о своей судьбе.

– Встать, – прозвучало над моей головой. Этот звонкий голос и чистое английское произношение показались мне до боли знакомыми. Вот ещё не хватало, если окажется, что я пол команды знаю. И, как в довершение моих мыслей, за моей спиной, едва мы вошли в пещеру, тот же голос произнёс:

– Привет, Звездочёт.

Так меня называли только во время службы во флоте. Я получил это прозвище от своего лучшего друга, когда пытался изучить навигацию. И это прозвище дал мне...

– Ларри? – осторожно произнёс я, не оборачиваясь. – Гарти, ты?

Ларри слегка толкнул меня вперёд.

– Не привлекай внимания, – быстро произнёс он. – Идём.

Наша дружба с Ларри началась по сложившемуся для меня обычаю «да, я – валлиец». На тот момент я ещё был главным старшиной, так как числиться в рядах вооружённых сил начал только с шестнадцати лет, и о получении хоть какого офицерского звания я мог только мечтать. Ларри же, с достоинством нося свою аристократическую фамилию Гарти, пришёл к нам в звании младшего лейтенанта вместо уволен-

ного с этой должности за пьянство и дебош Нолана Гилла, который, как я упоминал, позднее стал одним из зачинщиков бунта на «Амелии».

Наша взаимная ненависть возникла с момента, когда мы узнали о происхождении друг друга, а также о том, что нам, по долгу службы, придётся тесно сотрудничать. Иными словами, я находился в прямом ему подчинении, но без меня не решались многие насущные вопросы, за которые он нёс ответственность. Так, слово за слово, оскорбление за молчанием, приказ за своеволием – мы сцепились в рукопашной. Вернее, Ларри первым зарядил мне оплеуху. Однако когда нас разняли, и в трюм спустился наш боцман мистер Кинкли, я, отвечая на вопрос о том, кто затеял драку, взял всю вину на себя. Ларри стоял в тёмном углу, не смея показаться на свет с разбитым носом.

Не знаю, по какой причине, но я, почему-то, не стал выдавать его. Может, потому, что частью своего буйного сознания понимал, что мне, как матросу, не грозит ничего, кроме плети. Ларри мог лишиться своего звания, а опозоренная честь аристократа была куда большим испытанием, чем уязвлённая гордость простого рыбака. И, как обычно происходило в тот момент, когда в моих руках оказывалось чьё-то благополучие, если не сказать – судьба, я не мог, вопреки всем ожиданиям и собственным сомнениям, этой судьбой играть.

За причинение телесного вреда офицеру, а также за нарушение порядка и дисциплины на корабле, я был приговорён

к двадцати трём ударам плетью. Благо, что на тот момент мы находились в походе, и я мог быть почти уверен, что никто не станет продолжать эту историю на берегу.

Не знаю, понял ли кто-то из старших офицеров, что именно Ларри мог быть виновен в стычке, но к этой истории, действительно, никто не вернулся. Пару дней спустя, пока я всё ещё отлёживался в трюме после исполнения наказания, Ларри спустился ко мне. Осведомившись кратким вопросом о том, как я себя чувствую, он, словно не решаясь на прямой разговор, спросил:

– Ал, почему ты меня не выдал?

Менее всего расположенный на тот момент говорить и пребывая в полубредовом состоянии, я сквозь зубы ответил:

– Я – не офицер. Мне ничего не будет. Тебя бы выгнали.

Ларри не ответил. Он ушёл, не задержавшись, чтобы хоть что-то добавить, или поблагодарить. Не скажу, чтобы на тот момент это было мне важно. Зато, когда я смог, наконец, подняться на палубу, меня сразу же позвали в каюту капитана. Предполагая самое худшее, я беспрекословно поднялся на ют, чтобы после разговора выйти в звании мичмана. Я не стал задавать вопросов, но понял, благодаря кому получил это повышение.

С тех пор мы с Ларри стали друзьями. От него я научился манерам, приемлемым среди людей его круга общения, правильному английскому произношению, а также владению

правой рукой при письме. Я, в свою очередь, раскрыл для него многие секреты использования двух клинков одновременно и левостороннего рукопашного боя, которые он, впоследствии, неплохо применял в действии.

И неважно, что судьба снова нас свела в такой непростой ситуации. Тем более рад я был его видеть.

Мы прошли в пещеру. Ларри быстро развязал мне руки, после чего опустился на каменный пол у плещущейся в гроте воды. Я устроился рядом.

– Ты меня вытащил? – первым делом спросил я.

Ларри улыбнулся.

– Ну, – он пожал плечами. – Мы, видимо, одновременно в воде оказались.

– Мы старались, – отозвался я.

– Заметно. А я думал, тебя повесили, – произнёс он. – Нам сказали, Шайн бунт поднял.

– Ричард, – ответил я. – Меня Дэвис расстрелял.

Ларри вскинул бровь.

– Сожалею по поводу Ричарда.

– Что есть, – я пожал плечами. – А ты какими судьбами? – спросил я, вспомнив, что Ларри отправился через Атлантику на пол года раньше меня. – Нам не доводили о гибели или ещё о чём-то.

– Может, не успели, – ответил Ларри. – Мы попали в бурю, корабли раскидало и мы одни остались. Тут появились испанцы: один грузовой галеон и четыре линейных военных. Они своё золото перевозили. А мы в шторме ещё и грот-мачту потеряли. Нас взяли на abordаж, кого убили, кого в качестве военнопленных забросили в трюм. Но тут уже подсуетился Оливер, устроил испанцам засаду. Экипаж испанский весь перебили, а потом настал наш черёд. Знаешь, может, я бы и принял смерть с высоко поднятой головой. Но погибать вместе с врагом не хотелось. Оливер предложил перед расстрелом всем желающим перейти в его команду. Я согласился. Думал, может, сбегу. Как видишь, не сбежал.

– И много наших перешло? – спросил я.

– Нет, – Ларри помотал головой. – Многие решили остаться верными присяге. Их отправили на дно без лишних вопросов. Ну а я, Ал, я напугался. Правда. Не знаю. В бою как-то легче, – Ларри вдруг заговорил так, словно оправдывался не передо мной, а перед Высшим судом. – Просто, когда стоишь на коленях перед твоим врагом, который говорит с тобой на том же языке. Когда у тебя руки за спиной связаны. Когда к твоему затылку приставлен ствол. Я не знаю. Всё как-то по-другому. Сразу теряешь весь смысл ко всякому противостоянию, к борьбе. Я же знаю, что они на королевской службе. И о нашей гибели известие направят, и никто искать ни кого не будет. И знаешь, всё таким бессмысленным показалось. Оливера бы об этом и не спросили. А кормить рыб вместе с испанцами на тот момент так не хотелось...

– Эй, – перебил я его. – Не оправдывайся. Не мне тебя судить.

Он усмехнулся.

– Да, встреча, – протянул он, помотав головой. – Слушай, – заговорил он приглушённо. – Давай-ка, беги отсюда. Я прикрою.

Я даже не понял сразу, что именно он сказал.

– И, как я побегу? Куда? – спросил я, оглядывая пещеру.

Ларри кивнул в сторону заполненного водой грота.

– Туда.

– Ты местность здесь знаешь? – спросил я, догадываясь о причине его уверенности.

– Относительно, – ответил он. – Оливер здесь не впервой, а я только слышал. Но по пещерам они не лазили.

– Тогда откуда ты знаешь?

– Пока ты здесь отдыхал, я на ту сторону бухты перебрался. Я не сказал об этом никому. Раз тебя увидел. Ал, здесь есть ход, поверь. Занырнёшь, проплывёшь под выступом и там сразу наверх. Вылезешь между камней, подождёшь, когда стемнеет и пойдёшь. Там корабль ваш в трёх милях по берегу...

– И Оливер до него ещё не добрался? – перебил я удивлённо.

– Нет, – ответил Ларри. – У нас часть экипажа погибла, часть ранена, каждый человек на счету, а оружие тем более. Оливеру нет смысла вступать в бой сейчас. Так что, кстати, ты ценный товар здесь.

– То есть, если я сбегу, ему не останется ничего, как начать этот бой, – заметил я.

– Если ты сбежишь, вашему капитану будет проще обороняться. Да и козыря у Оливера не будет. Поверь, это сильно изменит дело.

Я снова взглянул на тёмную воду грота.

– А с тобой что будет? – спросил я.

– Я скажу, что ты меня ударил камнем и сбежал, – ответил Ларри.

– А след от удара рисовать будешь?

Ларри пожал плечами.

– Могу подставить голову, – ответил он.

– А если я не рассчитаю?

– Не велика потеря.

Мы на время замолчали.

– Слушай, давай вместе, – предложил я. – Тебе их не обмануть.

– Двоих нас быстро найдут, – ответил Ларри. – А так я задержу их.

– Вряд ли надолго, – возразил я.

Звук шагов, послышавшийся у входа в пещеру, прервал наш разговор.

– Эй, Саблезуб, чего за болтовня с пленным? – фыркнул пират. Ларри отодвинулся.

– Так, спрашивал, где он служил, – ответил Ларри.

– А, – усмехнулся пират. – Два кота нашли, о чём помянуть. Тебя, это, – он мотнул головой в сторону выхода. – Кишкодёр зовёт. Иди, а я тут с этим котёнком сам помурлычу.

Мы с Ларри переглянулись. Если у нас и был шанс, то он наступал сейчас. Была ли это старая военная привычка или безысходность? Я не знаю, но мы среагировали одновременно. Я бросился на пирата, впрочем, прекрасно понимая, что обезоружен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.